

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
Кафедра археологии, истории Древнего мира и Средних веков

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ
В ГЭК И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ

Заведующий кафедрой
д-р. ист. наук, профессор

А. Г. Еманов
21.06. 2018 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(магистерская диссертация)

**ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В КОНТЕКСТЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ
АГИОЛОГИИ**

46.04.01 История

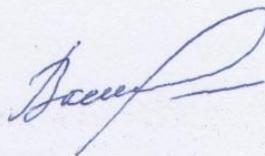
Магистерская программа «История Средних веков»

Выполнил работу
студент 2 курса
очной формы обучения

Петков
Иван
Георгиев

Руководитель работы
канд. ист. наук,
доцент

Васиховская
Наталья
Сергеевна

Рецензент
канд. ист. наук,
ст. преп. кафедры истории,
искусствоведения и
музейного дела Тюменского
государственного института
культуры

Ермакова
Дарья
Сергеевна

г. Тюмень, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПРОСТРАННОЕ ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ ...	23
1.1. Елифаний Премудрый и Пахомий Логофет	26
1.2. Агиологические представления книжников в предисловиях	37
1.3. «Моление» средневекового русского книжника	45
ГЛАВА 2. ТОПИКА ПРЕПОДОБНИЧЕСКИХ ЖИТИЙ	57
2.1. Происхождение и обстоятельства рождения преподобных...	62
2.2. Топика детства и юности.....	74
2.3. Пострижение и имянаречение	80
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	86
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	90

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в современной отечественной исторической, филологической и других науках всё более усиливается интерес к изучению литературного наследия прошлого средневекового периода существования русской государственности и культуры. Специфичная часть этого наследия – памятники древнерусской агиографии, и, главным образом, жития святых. При их изучении исследователь неизбежно сталкивается с рядом особенностей, которые, во-первых, определяют жанровое своеобразие, и, во-вторых, продиктованы литературной (духовной) традицией, во многом, вдохновленной византийской агиографической традицией (канон). Среди них и присутствие текстов и элементов произведений византийской литературы: как памятников святоотеческого наследия, так и непосредственно житийных произведений, текстов Священного Писания, что, во многом, определяет и содержательную составляющую агиографических нарративов. Особенное место среди этих прецедентных текстов принадлежит Священному Писанию. По нашему мнению, корпус текстов Библии (Ветхий, Новый Заветы и Псалтирь) играли определяющую роль в развитии духовной древнерусской литературы в частности, так и представляли собой краеугольный камень христианской цивилизации в целом, определившим её культурное и духовное развитие на обширнейших территориях.

Обратимся к определению некоторых основных понятий нашей работы: агиография, агиология, агиологический источник, агиографическое произведение, святость.

Понятия агиографии предполагает его употребление в следующих значениях: 1) написанная по канону биография святого;¹

¹ Гжибовская О.В. Жития святых в российской историографии XIX – начала XX вв.: дисс. ...канд. истор. наук. Сочи, 2009. С. 4

- 2) отдел литературы, касающийся жизни и деяний святых;² и, наконец,
- 3) научная дисциплина, занимающаяся изучением житийных текстов с историко-богословской, исторической, социально-культурной и литературной точек зрения.³

В свою очередь, агиология – термин более широкий, чаще употребляемый для обозначения исследований, посвященных богословским и историко-церковным аспектам святости.⁴ Принципиальное отличие агиографии от агиологии состоит в том, что агиография рассматривает жития святых как памятники религиозной и литературной истории той эпохи, когда конкретное житийное произведение создавалось и развивалась агиографическая традиция. Агиология же сосредотачивает свое внимание на самом типе святости, его сущности и восприятии этого типа в различные эпохи, что само по себе представляет интерес для изучения в рамках исторической дисциплины, и, тем самым, для изучения историко-культурного аспекта святости.

Следовательно, понятие «агиологический источник» шире, чем понятие «агиографическое произведение», и выходит за рамки литературы. Основная отличительная особенность агиологических источников состоит в том, что к таковым могут быть отнесены любые источники (письменные или неписьменные), содержащие в себе совершенно разную по характеру, форме и содержанию, информацию о святом: исторические хроники, юридические документы, писания самих святых, имеющие общецерковное (послания, проповеди, богословские трактаты) или частное (письма, записи из дневников, автобиографические произведения) назначение; гимнографию, иконографию, памятники архитектуры (храмы, часовни, молельни, мартирии, усыпальницы). Первое место среди агиологических источников, вне всяких сомнений, с полным основанием занимает Священное Писание, сведения из которого

² Владимир (Швец), Сорочан С.Б. Введение в агиографию. Харьков, 2015. С. 10.

³ Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С. 8.

⁴ Там же.

легли в основу жизнеописаний всех ветхозаветных и большинства новозаветных святых.⁵

Святость – одно из фундаментальных понятий христианского учения. Его основной смысл состоит в причастности человека Богу, его обоженности, в его преображении под действием благодати Божией. В преображенном человеке восстановлена его не поврежденная грехом природа. Христиане, следуя Христу, соучаствуют в его Божестве по благодати и становятся святыми.⁶

Агиографические произведения представляют из себя обширнейший пласт литературных трудов, созданных в рамках христианской традиции, имеющих своей основной целью прославление святых. Жанры этих произведений многообразны и обусловлены динамичным развитием культа святых в целом, так и самой агиографической традиции в частности. К основным жанрам агиографических произведений относятся: описания мученических подвигов, энкомии (похвальные слова), рассказы о явлениях и видениях, прижизненные и посмертные чудеса святых, и, собственно, жития.

Исключительность агиографических произведений, на наш взгляд, обусловлена рядом особенных черт, которые определяют жанровое своеобразие данных памятников. Особенности черты продиктованы как специфическими аспектами духовной жизни средневековых социумов в целом, так и существующих, и развивающихся в данных социумах агиографических традиций, в частности. Говоря о древнерусской агиографической традиции, следует учесть то, что она, во многом, была инспирирована интенсивными политическими и культурными контактами с Восточной Римской империей и балканскими православными государствами, её истоки находятся именно в агиографической традиции, существовавшей и развивавшейся в Византийской империи и на Балканах.

⁵ Владимир (Швец), Сорочан С.Б. Указ. соч. С. 47.

⁶ Живов В.М. Указ. соч. С. 90.

Жития святых, на протяжении всей своей истории изучения, требовали к себе исключительного, разностороннего подхода, что поставило тему изучения житийной литературы в разряд дискуссионных и до настоящего времени актуальных и неисчерпанных тем научных работ самых разных гуманитарных направлений и для решения различных проблем, возникающих при изучении средневекового социума. Поэтому, в свете неугасающего интереса в отечественной и мировой науке к изучению средневековых памятников агиографии, внутреннего мира человека прошлого, разработкой и апробацией новых подходов и методов работы с источниками, и связанными с этим трудностями и проблемами, исследование агиографических произведений представляется достаточно актуальной и важной задачей в рамках общей проблематики исследований корпуса произведений средневековой литературы, культуры и истории.

История средневековой Руси со времен распространения православного христианства на её территориях становится неотделимой и от истории Русской Православной Церкви: церковные иерархи (митрополиты, а в последствие – патриархи), архиепископы, епископы являются яркими деятелями как в политической, так и в экономической, и в духовно-культурной составляющих жизни русских земель. Немаловажной частью этого исторического процесса, охватившего обширные территории, является и монашество, давшее русским землям, целую плеяду выдающихся деятелей, подвижников и святых: Антоний и Феодосий Печерские, Евфросиния Полоцкая, Евфросиния Суздальская, Стефан Пермский, Сергей Радонежский, Афанасий Высоцкий, Роман Киржачский, Савва Сторожевский, Кирилл Белозерский, Нил Сорский, Иосиф Волоцкий и множество других прославленных имен.

Особенный интерес среди сонма русских подвижников вызывает, безусловно, личность Сергия Радонежского, чья жизнь, подвиг постижения святости Христовой и наследие приходятся на один из самых насыщенных и

бурных периодов истории будущего единого Русского царства, его «колыбели»: XIV и XV вв.

Спустя пять веков после преставления настоятеля Троице-Сергиевой обители, российский историк В.О. Ключевский посвятил преподобному Сергию следующие слова: «Есть имена, которые носили исторические люди, жившие в известное время...которые уже утратили хронологическое значение, выступили из границ времени, когда жили их носители. Это потому, что дело, сделанное таким человеком, ...своим благотворным действием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица, его сделавшего, в сознании этих поколений постепенно спадало всё временное и местное, и оно из исторического деятеля превратилось в народную идею, в самое дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом... Такого имя Преподобного Сергия...».⁷

Благодаря своей подлинной, бесконечной любви к Богу и людям, высшим проявлениям смирения и кротости, следованию христианскому идеалу праведной и богоугодной жизни, восстановлению наследия и сути «истинного иноческого бытия», зародившегося под сводами киевских пещер благодаря преподобным отцам Антонию и Феодосию, в самый темный период истории русского православного монашества – XIV в., имя преподобного, став достоянием Священной истории, прочно вписано в историческую память русского народа как светоча веры и надежды во времена царившей на русских землях Орды и ожесточенных столкновений русских князей за обладание великим княжеством Владимирским. Легендарный вдохновитель на борьбу против ордынского владычества, яркий церковно-политический деятель периода возвышения Москвы, одаренный наставник и «отец» обширной плеяды святых преподобных, Сергей Радонежский, его жизнь и подвиг,

⁷ Ключевский В.О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства. Речь на собрании Московской Духовной Академии в 1892 г., посвященном памяти Преподобного Сергия Радонежского // Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 16.

вызывали неподдельный интерес как его современников, так и потомков, оставаясь едва ли не самым ярким и значимым для русской истории и духовного наследия примером особого, преподобнического лика святости. Поэтому исследования, посвященные личности и деятельности Троицкого игумена, сути его иноческого подвига, выраженного как в агиографическом наследии, ему посвященному, так и в агиологическом аспекте его подвига постижения святости, до сего дня остаются весьма значимыми и востребованными в широком контексте изучения средневековой русской истории.

Таким образом, **объектом** нашего исследования является Житие Сергия Радонежского в контексте сравнительной агиологии. **Предметом** исследования выступает преподобнический лик (тип) святости в рамках русской средневековой агиографической традиции, и, вместе с тем, агиологические представления авторов-составителей житийных текстов, посвященным святым преподобным.

Историю изучения средневековых русских агиографических произведений, условно, возможно подразделить на три этапа: имперский (XVIII-XIX вв.); советский (20-е – 80-е гг. XX в.) и современный (90-е гг. XX – первые десятилетия XXI в.).

Памятники агиографии, посвященные Сергию Радонежскому, становятся предметом изучения в трудах русских ученых с середины XIX в. На протяжении же XVIII и первой половины XIX вв. в центре внимания историков, главным образом, оказывалось не сочинения средневековых русских книжников, посвященных Троицкому игумену, а, непосредственно, его личность, сам преподобный как историческое лицо. О Сергии Радонежском упоминается в работах практически всех русских историков XVIII – XIX вв.; В.Н. Татищева⁸, Н.М. Карамзина⁹, С.М. Соловьева¹⁰ и других. Однако Н.М.

⁸ Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. СПб., 1784. Кн.5. С. 258; 270.

⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Послесловие, комментарии А.Ф. Смирнова. М., 2005. Т.5. С. 228.

¹⁰ Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти кн. М., 1988. Кн. 2. С. 485; С. 582-585.

Карамзин в своих рассуждениях о личности преподобного Сергия об исторических реалиях эпохи, основывался, главным образом, на сообщениях летописных сводов XV–XVI вв., в то время как С.М. Соловьев частично воспроизводил в своем сочинении сюжеты жития преподобного в рамках эпизодов, посвященных монашеской жизни XIV–XV вв.

В отличие от своих предшественников В.О. Ключевский уделил личности Сергия Радонежского гораздо больше внимания. Значимым вкладом в разработку методов и проблематики, связанных со средневековой русской агиографией, стала работа историка о древнерусских житиях. В данном исследовании автором была предпринята попытка использовать обширный агиографический материал, до тех пор непроработанный, для изучения ряда проблемных вопросов, таких как колонизация русского Севера, быт средневековых русских земель и так далее. Исследователем был применен критический метод, проведено источниковедческое исследование объемного корпуса древнерусских агиографических памятников. Основным вывод его работы: «Качество исторического материала, представляемого житием, зависело главным образом от обстоятельств, при которых писалось последнее, и от литературных целей, которые ставил себе его автор».¹¹ По мнению Б.М. Клосса, В.О. Ключевский являлся первым из историков, научно и весьма обстоятельно подошедшим к исследованию жития.¹²

Среди других значимых трудов о Сергии Радонежском в историографии можно считать исследование Е.Е. Голубинского. Высоко оценивая личность и деятельность преподобного, не упуская из внимания «ни одной частности из жизни Сергия как естественного, так и сверхъестественного характера», Е.Е. Голубинский называл его одним из великих русских подвижни-

¹¹ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989. С. 11.

¹² Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т.1. Житие Сергия Радонежского. С. 16.

ков, и сравнивал с Антонием и Феодосием Печерскими¹³. Историк церкви изучал и анализировал различные редакции жития преподобного, использовал данные различных летописных сводов, тщательно воссоздавая жизненный путь Сергия.

Таким образом, для имерской историографии характерно не столько специальное рассмотрение агиографической традиции, посвященной Сергию Радонежскому, сколько обращение и изучение непосредственно исторической личности и образа преподобного, его идеализация. Тем не менее, работы, посвященные непосредственно изучению памятников средневековой русской агиографии, появляются именно на этом этапе.¹⁴

В советский период, в связи с возросшим идеологическим влиянием на науку, в том числе и на историческую, к древнерусским агиографическим произведениям обращаются в исследованиях, посвященным политическим и социально-экономическим проблемам: классовой борьбе крестьянства против монастырей-вотчинников, монастырской колонизации слабо заселенных территорий, и другим. Данные аспекты раскрываются в трудах М. Горева, И.У. Будовница.

Изучив историю Троице-Сергиевой обители, М. Горев уделив внимание в своей работе, в первую очередь, социально-экономическому аспекту деятельности монастыря. Серьезной критике историк подверг личность Сергия Радонежского, называя его «робкой, пассивно-смиренной натурой».¹⁵ Русским историком впервые было сделано утверждение о том, что преподобный игумен сделал большие земельные и материальные накопления в своей обители, было сделано впервые, однако сам М. Горев, в подтверждении это-

¹³ Голубинский Е.Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра: Жизнеописание преподобного Сергия и путеводитель по Лавре. М., 1909. С. 149.

¹⁴ См.: Шахматов А.А. Несколько слов о несторовом Житии Феодосия // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1896. Т. 1. Кн. 1. С. 46-65.

¹⁵ Горев М. Троицкая лавра и Сергий Радонежский. М., 1920. С. 7.

му, не смог привести для доказательства данного утверждения сколь-нибудь достоверного источника.

Попытка анализа деятельности Сергия Радонежского была предпринята в работе И.У. Будовница. Основываясь, в числе прочих источников, и на житиях святых XIV – XVI вв., исследователь весьма высоко оценил деятельность преподобного игумена, связанную с колонизацией северо-восточных русских земель путем основания новых обителей (в частности, непосредственно, учениками святого подвижника) и введения общежительного устава.¹⁶

Среди историков Русской Православной церкви, работавших в эмиграции, известны имена Г.П. Федотова и И.К. Смолича.

Г.П. Федотов в своей книге «Святые Древней Руси» одну из глав посвятил Троицкому игумену. В центре внимания исследователя: образ преподобного Сергия, рассмотрение подвижнической жизни и деятельности святого. Исследователь дает положительную оценку настоятелю Троицкой обители: «Преподобный Сергий, в еще большей мере, чем Феодосий (*прим.* – Феодосий Печерский), представляется нам гармоническим выразителем русского идеала святости, несмотря на заострение обоих полярных концов ее: мистического и политического. Мистик и политик, отшельник и киновит совместились в его благодатной полноте».¹⁷

И.К. Смолич в своей обширной работе «Русское Монашество. Возникновение. Развитие. Сущность. (988-1917)» уделяет внимание и фигуре Сергия Радонежского, приводя его жизнеописание, а также уделяя внимание двум агиографам святого подвижника – Епифанию Премудрому и Пахомию Лого-

¹⁶ Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV – XVI веках. М., 1966. С. 77.

¹⁷ Федотов Г.П. Святые древней Руси. М., 1990. С. 75.

фету – и особенностям составленных ими агиографических произведений, посвященных Троицкому игумену.¹⁸

Также, среди западных исследователей, занимающихся не столько проблематикой агиографической литературы, сколько феноменом культа святых, стоит отметить известного американского исследователя культуры поздней античности и раннего средневековья, Питера Брауна, который один из первых обнаружил, что в представлениях о святых и их культах воспроизводились социальные модели патроната и других социальных практик, тем самым обозначив одну из исследовательских парадигм изучения культов святых – в контексте социальных практик и поведения.¹⁹

Также среди западных исследователей-славистов можно выделить итальянского лингвиста Риккардо Пиккио.²⁰ Его главная заслуга состоит в создании цельной филологической концепции славянского, в том числе и русского, Средневековья и попытке её осмысления, а также разработке некоторых теоретических вопросов и частных проблемных аспектов, связанных с корпусом общеславянского литературного наследия.

Его современником являлся известный советский исследователь – Д.С. Лихачев, чей вклад в развитие проблематики древнерусской литературы трудно переоценить. Несмотря на определенные расхождения, взгляды и мнения обоих исследователей касательно проблематики русской средневековой литературы в целом близки друг другу.²¹

¹⁸ Смолич И.К. Русское Монашество. Возникновение. Развитие. Сущность. (988-1917). М., 1997. С. 36.

¹⁹ Браун П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве / Пер. с англ.; Под ред. С.В. Месяц. М., 2004. 207 с. См. подробнее: Бикеева Н.Ю. Концепции раннесредневековой святости в современной историографии // Ученые записки Казанского университета. Казань, 2006. С. 103.

²⁰ Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*: Литература и язык. М., 2003. 720 с.; Пиккио Р. История ревнерусской литературы. М., 2002. 352 с.

²¹ Калугин В.В. *Slavia orthodoxa* Риккардо Пиккио (предисловие) // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*: Литература и язык. С. 10. См. также: Лихачев Д.С. Несколько замечаний по поводу статьи Риккардо Пиккио // Труды Отдела древнерусской литературы. М., 1961. Т.17. С. 675-678.

Касательно аспектов изучения конкретно житийной литературы существует множество самых разных работ. Среди них, например, работа Ф. Вигзелл «Цитаты из книг Священного Писания в сочинениях Епифания Премудрого», посвященная текстам Священного Писания в контексте Жития Стефана Пермского и отображению этих текстов в содержании агиографического произведения. Кроме того, автором высказывается мысль и о возможном эмоциональном воздействии произведения для потенциального читателя.²²

Освещение источниковедческого аспекта, связанного с литературной историей редакций «Жития Сергия Радонежского» также нашло отражение в отечественной науке. Данный круг проблем, в частности, поднимается в работах В.П. Зубова, Б.М. Клосса.²³

Таким образом, в советский период, включая труды западных историков и исследователей-эмигрантов, в изучении памятников средневековой русской литературы, в том числе агиографических произведений, при сохранении и развитии ряда тенденций, присущих ещё имперскому периоду, происходят определенные изменения. Прежде всего их характеризует комплексный подход к изучению корпуса произведений древнерусской литературы, оформлением основных концепций, а также разработкой разного рода проблемных аспектов, связанных с политическими, экономическими, социальными и культурными реалиями русских средневековых земель, в свете которых литературное древнерусское наследие изучается, во многом, и в настоящее время.

Кроме того, в целом, в общемировой исследовательской практике, выделяются некоторые исследовательские парадигмы и подходы к изучению

²² Вигзелл Ф. Цитаты из книг Священного Писания в сочинениях Епифания Премудрого // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 26. С. 242-243.

²³ См. подробнее: Зубов В.П. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб (К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского») // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л., 1953 Т.9. С. 145-158; Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т.1. Житие Сергия Радонежского. 568 с.

агиографической литературы. Помимо выше обозначенного подхода к изучению агиографических текстов через призму социальных практик и поведения («системы социальной коммуникации»), на западе в начале 80-х гг. XX в. возникает тенденция изучения средневековой святости и культов святых через призму гендерного анализа. Среди историков гендерного направления стали распространяться теории и методы литературной критики при анализе агиографических произведений. В центре внимания таких исследований, преимущественно, рассмотрение того, как в различных житийных текстах реконструируются различные формы (типы) святости и гендерные особенности как святых мужей, так и святых жен.²⁴ Гендерные исследования получают развитие и в отечественной исторической науке уже с начала 90-х гг. XX в.

На современном этапе, проблематика, связанная историей и культурой средневековых русских земель, также не перестает волновать исследователей, ей уделяется значимое внимание в работах историков.²⁵

Проблеме самосознания русского средневекового писателя, о том, как талант и представления (в том числе, и о святости) древнерусского книжника проявляется в созданном им произведении, посвящены работы Е.Л. Конявской.²⁶

²⁴ См. подробнее: Бикеева Н.Ю. Концепции раннесредневековой святости в современной историографии. С. 104.

²⁵ См. подробнее: Борисов Н.С. И свеча бы не угасла. М., 1990; Сергей Радонежский. М., 2004; Васиховская Н.С. Феодосий Печерский и Сергей Радонежский – отцы-основатели «истинного монашества» на Руси. // Вестник УдГУ. Вып.3: История и филология. 2011. С. 75-79; Кириллин В.М. Символика чисел Древней Руси (XI–XVI века). СПб., 2000. 320 с.; Клосс Б.М. К изучению биографии преподобного Сергия Радонежского // Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы. СПб., 1998. С. 11-15; Избранные труды. В 2-х т. М., 2001; Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1998. Т. 2. Три века христианства на Руси (XII-XIV вв.). 864 с.

²⁶ Конявская Е.Л. К вопросу об авторском самосознании Епифания Премудрого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 79-85; См. также: Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.) М., 2000. 198 с.

Исследования историка В.А. Кучкина посвящены разработке ряда проблем, касающихся исторических сведений, которые сообщают редакции Жития Сергия Радонежского. Исследователем предпринимаются попытки реконструкции и датирования ряда исторических событий с помощью привлечения сведений, изложенных в агиографических произведениях, посвященных Сергию Радонежскому при помощи дополнительных источников (летописей, актового материала, и так далее).²⁷

Диссертационная работа М.К. Кузьминой «Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV–XVII вв.» посвящена установлению функций текстов Священного писания, классификации их типов по отображению в контексте преподобнических житий.²⁸

Недавняя работа исследователей Успенского Б.А. и Успенского Ф.Б. посвящена теме иноческих имен в русской истории. По словам исследователей, подобная работа – это первая попытка создания более-менее цельной исторической картины монашеского имянаречения. «Неисчерпаемость материала и ограниченность сведений» авторов касательно древнерусского периода, и возникшие, в связи с этим проблемы, не отменяют значения данной работы для современной отечественной истории и филологии. Исследователи, привлекая для своей работы, в том числе, и обширный корпус русских средневековых текстов, через ряд отдельных эпизодов реконструируют процессы смены имен в среде монашествующих, предлагая, в ряде случаев, и собственные интерпретации, объяснения. Среди эпизодов, описанных Успен-

²⁷ Кучкин В.А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 75-93; Сергей Радонежский и борьба за митрополичью кафедру всея Руси в 70-80 годы XIV века // Культура славян и Русь. М., 1995. С. 353-362; Сергей Радонежский и «Фелофеевский крест» // Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы. СПб., 1998. С. 16-22.

²⁸ Кузьмина М.К. Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV – XVII вв. М., 2015. С. 599.

скими, и случай монашеской смены имени Варфоломеем (Сергием Радонежским).²⁹

Таким образом, средневековое русское агиографическое наследие в целом, и жития святых – в частности, остаются крайне востребованным материалом в качестве источников для разработки самой различной проблематики как в мировой, так и в отечественной гуманитарных научных сферах, и по сей день. Одним из самых мало изученных и разработанных кругом проблем и вопросов в отечественной исторической науке в настоящее время является изучение русских средневековых житий через призму агиологии, типологии святости, содержания и репрезентации конкретных типов (ликов) святости, совокупности представлений о ней как об одной из основополагающих категорий христианского сообщества верующих в целом, так и о составляющей русского средневекового мышления, в частности. Данная проблематика требует более пристального и глубокого изучения.

Таким образом, **цель** данной работы: изучить особенности преподобнического типа святости в русской средневековой агиографической традиции.

Поставленная цель предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

- рассмотреть сведения о жизни и деятельности первых агиографов Сергия Радонежского – Епифания Премудрого и Пахомия Логофета;
- изучить агиологические представления древнерусских книжников – Епифания Премудрого и Пахомия Логофета в предисловиях к редакциям житий, посвященных Троицкому игумену;
- рассмотреть структуру житий Сергия Радонежского, созданных двумя основными агиографами святого;

²⁹ Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. Иноческие имена на Руси. М., 2017. 344 с.

– проанализировать некоторые топосы агиографических текстов, посвященных преподобному Сергию, в сравнении с другими преподобническими житиями;

В ходе исследования были использованы следующие типы письменных источников:

- Канонические источники (Библия);
- Повествовательные источники (жития святых).

Основными источниками данной работы являются редакции Жития Сергия Радонежского, созданные Епифанием Премудрым (вторая половина 10-х гг. XV в.) и Пахомием Логофетом (40-е – 50-е гг. XV в.).³⁰ В этой связи следует отметить, что оригинального текста Жития преподобного Сергия за авторством Епифания Премудрого, до настоящего времени не сохранилось, однако среди всех дошедших до настоящего времени списков данного агиографического произведения выделяется Пространная редакция Жития Сергия Радонежского, датируемая 20-ми гг. XVI в., содержащая оригинальный текст Епифания Премудрого (до главы «О худости порть Сергиевыхъ и о нъкоемъ поселянинъ» включительно).³¹ Остальная же часть текста является компиляцией элементов различных редакций жития, сделанных уже Пахомием Логофетом в 40-х – 50-х гг. XV в.³² Тем не менее, подлинность авторства Епифания Премудрого по отношению значительной части текста Пространной редакции Жития Сергия Радонежского современными исследователями под

³⁰ Дробленкова Н.Ф. Житие Сергия Радонежского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч.1. (вторая половина XIV–XVI в.). С. 331.

³¹ Об используемой редакции см. подробнее также: Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6: XIV – середина XV века. С. 277.

³² Первая Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского // Клосс Б.М. Избранные труды. 1998. Т.1. Житие Сергия Радонежского. С. 343-377; Третья Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского // Клосс Б.М. Избранные труды. 1998. Т.1. Житие Сергия Радонежского. С. 377-441; О Пахомии Логофете и его редакциях также см. подробнее: Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 129-130; 160-164; 168-169.

сомнение не ставится,³³ что позволяет использовать данную редакцию жития как оригинальный источник.

Другим основным, специфическим источником, используемым в работе, является корпус текстов Священного Писания – Ветхий, Новый Заветы, а также Псалтирь. Здесь необходимо важное уточнение: на момент создания первого, оригинального текста Жития Сергия Радонежского Епифанием Премудрым (кон. XIV в. – 10-е гг. XV в.), единого и целостного сборника библейских текстов на территории средневековых русских земель не существовало. Священное Писание бытовало в виде отдельных частей и, преимущественно, в сборниках. Первая попытка по кодификации всех библейских текстов на Руси была осуществлена к 1499 г. под руководством новгородского архиепископа Геннадия. Результатом этой работы стало создание Геннадиевской Библии. Впоследствии, данный рукописный свод был взят за основу печатного издания Священного Писания – Острожской Библии 1581 г., выполненной Иваном Федоровым, и служил основой для создания новых вариантов Библии в последующие века. Тем не менее, наиболее близкой в хронологическом плане ко времени написания книжником Епифанием Жития Сергия Радонежского является Палея Толковая, датируемая 1406 г., содержащая в себе различные тексты Священного Писания.

Для данного исследования использование корпуса текстов Священного Писания при изучении содержания редакций Жития Сергия Радонежского и других, представленных в работе, агиографических произведений, является обязательным, так как библейский текст позволяет установить общий смысл, контекст, и значение того или иного элемента текста Священного Писания в контексте преподобнических житий, что способствует более глубокому пониманию замысла создания агиографами образа преподобного святого через введение в повествование ветхозаветных и новозаветных святых, раскрытие

³³ Об используемой редакции см. подробнее также: Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. С. 277.

характера и формы подвижничества преподобных через призму Священной истории, а также выявлению ряда особенностей агиологических представлений и ожиданий русского средневекового книжника, в частности, а также его окружения – в общем. Полагаем, что, вполне приемлемым является использование в рамках исследования современного Синодального перевода Библии, принимая во внимание возможные неясности, допущения и ошибки.³⁴

Следующие источники, используемые в рамках настоящего исследования, являются дополнительными. Среди них: жития (Житие Феодосия Великого, Житие Евфросинии Александрийской, Житие Бенедикта Нурсийского, Житие святой Радегунды, Житие Феодосия Печерского, Житие Евфросинии Полоцкой, Житие Евфросинии Суздальской, Житие Стефана Пермского, Житие Феодора Симоновского, Житие Павла Обнорского, Житие Саввы Сторожевского, Житие Кирилла Белозерского).

Выбор указанных выше агиографических текстов обусловлен рядом положений. Во-первых, практически все представленные выше агиографические произведения, за исключением Жития святой Радегунды³⁵ и Жития Стефана Пермского,³⁶ являются преподобническими житиями, созданными в разное время, но в рамках общехристианской агиографической традиции и представляющей её разные региональные ветви: византийскую, западноевропейскую, средневековую русскую, и обуславливающие как общие, характер-

³⁴ Примечание: проблема допустимости использования современного издания Библии в отечественной работе уже поднималась в связи с использованием такого издания И.Н. Данилевским. См.: Ранчин А.М. (в соавторстве с А.В. Лаушкиным) Ещё раз о библиеизмах в русском летописании // Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах, комментариях. М., 2007. С. 27-28.

³⁵ Примечание: Житие святой Радегунды - раннесредневековый памятник западной агиографической традиции авторства придворного поэта, и, впоследствии, епископа Пиктавийского - Венанция Фортуната (кон. VI в.). См. подробнее: Бикеева Н.Ю. Образ королевы-монахини в агиографическом сочинении Венанция Фортуната // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. № 20. 2012. С. 183-183.

³⁶ Стефан Пермский прославлен Русской Православной Церковью в лике святителей. Авторство Жития Стефана Пермского принадлежит Епифанию Премудрому (90-е гг. XIV – нач. XV вв.). См. подробнее: Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием. СПб., 2003. Т. 12: XVI век. С. 136-138.

ные для преподобнического лика (типа) святости, так и специфические черты. Во-вторых, выбранные жития в той или иной степени представляют и мужской, и женский примеры постижения святости, что позволяет делать определенные выводы об общих и различных составляющих подвигов святых мужей и жен при сравнительном агиологическом анализе топики агиографических произведений.

В-третьих, выбор агиографических произведений, посвященных Феодору Симоновскому, Павлу Обнорскому, Савве Сторожевскому и Кириллу Белозерскому обусловлен, в первую очередь тем, что они являются учениками преподобного Сергия Радонежского, поэтому рассмотрение данных житий в сравнении с житием святого Сергия позволяет делать определенные выводы о духовной преемственности наставника с учениками и влияния подвижничества Троицкого игумена на последующее развитие агиографической традиции, посвященной преподобным, в течение XV–XVII вв. Таким образом, выбранные группы дополнительных источников соответствуют поставленным выше исследовательским задачам и позволяют, насколько это возможно подробнее, рассмотреть проблемы и вопросы, освещаемые в данной работе.

Основу теоретико-методологической базы настоящего исследования составляют следующие **методы**: проблемно-хронологический и герменевтический.

Проблемно-хронологический метод состоит в том, что конкретное историческое явление, феномен или процесс, происходящий в определенную эпоху, изучается в последовательном развитии. Применение данного метода обусловлено тем, что время жизни и подвижничества преподобного и оформление агиографической традиции в рамках культа его почитания отделено значительными промежутками времени (зачастую в пределах 50 – 200 лет), что ставит в зависимость восприятие преподобнического типа святости

современниками подвижника от времени складывания социокультурных, агиографических составляющих культа святого уже при его потомках.

Для уточнения структуры, особенностей композиции и содержания житий, посвященных преподобным, необходимо привлечение герменевтического подхода к исследованию агиографических текстов. Герменевтика является наукой интерпретации и системой связанных с ней методов, способствующих пониманию создателя житийного текста, исходя непосредственно из ценностной ориентации, определенных представлений и ожиданий, мотивов, и других мировоззренческих установок автора агиографического сочинения.

Под герменевтическим подходом в данной работе понимается достаточно распространенная в настоящее время практика истолкования смысла средневекового литературного памятника с позиций читателя-историка.³⁷ Эффективность подобного метода была доказана И.Н. Данилевским, применившим его к изучению и интерпретации древнерусского летописания.³⁸ Применение герменевтического подхода соответствует цели данного исследования, и позволяет весьма продуктивно привлекать пласт русской агиографической литературы для изучения того, как первые агиографы преподобного Сергия (Епифаний Премудрый и Пахомий Логофет) стремились, руководствуясь определенными целями и задачами, реализовать свои агиологические представления о подвижничестве святого игумена, какими способами и с помощью каких средств они создают его путь к постижению святости, и какое влияние на последующее развитие русской средневековой агиографической традиции оказал созданный этими мастерами духовный образ преподобного Сергия.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

³⁷ Румянцева М.Ф. Герменевтический подход // Теория и методология исторической науки. М., 2014. С. 78.

³⁸ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 57-59.

Первая глава «Пространное житие преподобного Сергия» посвящена рассмотрению ряда аспектов: жизнеописанию и деятельности двух первых агиографов Сергия Радонежского – Епифания Премудрого и Пахомия Логофета, развитию агиографической традиции, посвященной Троицкому игумену, а также агиологическим представлениям средневековых русских книжников и функционированию в предисловиях житий элементов текстов Священного Писания.

Во второй главе «Топика преподобнических житий» рассматриваются некоторые топосы Жития Сергия Радонежского в сравнении с топосами других преподобнических житий, относящихся к разному времени создания и разным ветвям общехристианской агиографической традиции. Предпринимается попытка интерпретации топосов преподобнических житий для выявления общих и особенных черт.

В заключении подведены итоги исследования. Делается вывод о специфических и типических чертах образа преподобного, создаваемого агиографами в Житии Сергия Радонежского.

ГЛАВА 1. Пространное житие преподобного Сергия

Говоря о житиях святых как об одном из агиографических жанров, нельзя не отметить и особую форму житийного произведения – так называемого пространного (расширенного) жития (или пространной редакции).

Его схема складывается в рамках общехристианской традиции, в равной степени характерна для византийской, западноевропейской и русской средневековой агиографической региональных ветвей, и предполагает наличие в пространном житии трех основных компонентов – предисловия, основной части и заключения.

Предисловие пространной редакции, как правило, представляет своеобразное «введение» к основному повествованию. В этой части жития средневековый агиограф описывает: свое понимание святости и месте святого в земном мире и небесной иерархии; выражение агиологических основ создания житийного произведения как особого вида подвига, и соответственно, постижения состояния святости; основные сведения о герое своего произведения; причины написания жития; цели создания повествования о святом и объяснения авторских установок перед началом работы; источники, на основе которых автор создавал свое произведение; структуру основной части жития.

Основная часть пространного агиографического произведения состоит из повествования уже непосредственно о святом и его подвиге, и, как правило, является типичной для большинства житийных произведений в целом. Повествование сосредоточено вокруг ключевых событий в жизни и подвижничестве святого: рождения, детства, юности, добродетельной жизни, совершению будущим святым определенного подвига, прижизненным деяниям (прахеис) и праведной кончине. Стоит также заметить, что большую роль при

составлении житийных произведений имел лик (тип) святости, в котором прославлен подвижник. Так, в двух главных произведениях средневекового русского книжника Епифания представлены разные лики святости: святи-тельский (Стефан Пермский) и преподобнический (Сергий Радонежский), что и определяет содержание основной части агиографического сочинения и её агиологические составляющие.

Заключение пространного жития, обычно, представляет собой рассказ об обретении мощей святого, повествовании о его посмертных чудесах (*miracula*), посвященной агиографом молитве и похвальному слову святому,³⁹ хотя следует отметить, что тексты, освещающие как обретение и перенесение мощей святого (*translatio*), прижизненные деяния (*praxeis*), так и посмертные чудеса (*miracula*), похвальные слова (энкомии), гимнографические памятники, посвященные святым, могут существовать независимо от непосредственно житийного произведения, существенно дополняя, и, следовательно, оказывая влияние на существующую агиографическую, прежде всего литературную традицию, посвященную каждому конкретному святому.

Касательно агиографической традиции и почитания преподобного Сергия Радонежского следует отметить следующее: сведений о почитании и канонизации преподобного Сергия Радонежского до настоящего времени дошло сравнительно немного, и в основном, связаны с жизнью первого агиографа святого – Епифания Премудрого, а также деятельностью книжника Пахомия Логофета на территории средневековых русских земель.

Говоря же о традиции почитания и канонизации святых на территориях средневековой Руси, приходится констатировать, что на период конца XIV – начала XV вв. четко закреплённой и регламентированной в официальных документах процедуры канонизации святых в Русской Православной Церкви на

³⁹ О составе Пространной редакции Жития Сергия Радонежского см. подробнее: Пространная редакция Жития Сергия Радонежского // Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т.1. Житие Сергия Радонежского. С. 213.

данном периоде не сложилось. Это отмечал ещё и имперский церковный историк Е.Е. Голубинский, пытаясь описать общие составляющие почитания и канонизации святых в средневековой Руси, выделив три уровня: первый – местный (узколокальный) – почитание и празднование дней памяти святого на непосредственном месте совершения им подвижничества в среде локальной христианской общины (её центрами могли быть приходской храм, монастырь, и так далее); местный (епархиальный) – на территории какой-либо конкретной епархии; и общерусский – почитание и празднование в дни памяти святого во всей Русской церкви.⁴⁰ Утверждение официального почитания святого на узколокальном и епархиальном уровне принималось главой епархии – архиереем (епископом), в первом случае, вероятно, самостоятельно, во втором – с благословения главы Русской церкви – митрополита (со второй половины XVI в. - патриарха). Именно митрополитом принималось решение о канонизации святого и празднование дней (успения, обретения мощей) его памяти в общецерковном масштабе, для чего, впоследствии, составлялась служба святому и житие.⁴¹

В данной главе рассматриваются события из жизни и деятельности первых агиографов преподобного Сергия – Епифания Премудрого и Пахомия Логофета; предпринимается попытка объяснения ряда обстоятельств и событий первой половины XV в., напрямую связанных с почитанием и канонизацией Сергия Радонежского. Также рассматриваются агиологические представления средневековых русских книжников, а также существования и функционирование в структуре предисловий ряда житийных текстов первых агиографов святого Сергия - Епифания Премудрого и Пахомия Логофета элементов Священного Писания.

⁴⁰ Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 41.

⁴¹ Там же.

1.1. Епифаний Премудрый и Пахомий Логофет

Главными источниками сведений о жизни и деятельности первого агиографа преподобного Сергия – Епифания Премудрого являются, в основном, созданные им произведения. Сообщения агиографа о себе достаточно скромны и не всегда отличаются точностью, но, тем не менее, помогают восстановить события из жизни средневекового русского книжника.

Время жизни инока Епифания датируется второй половиной XIV – первой четвертью XV в.⁴² По свидетельствам из Жития Стефана Пермского возможно установить, что Епифаний был современником пермского епископа «Во градъ в Ростове, у святаго Григория Богослова въ монастыри, нарицаемъ в Затворъ, близъ епископыи, яко книги многи бяху ту...».⁴³ Далее, перечисляя источники сведений о жизни и деяниях святителя Стефана, Епифаний указывает и на непосредственное общение с ним: «Сиа же убо снисках и, здъ и ондъ собравъ, предположих яже о житии его: ова слухом услышах, ова же от ученикъ его увѣдах яже о учительствъ, управлении. Есть же другое, яко и своима очима видѣх, иное же и с самъм бесѣдовах многажды...».⁴⁴ Но наиболее ярко раскрывает отношения Епифания и Стефана Пермского глава «Плач и похвала пишущего инока»: «Азь же, отче, господине епископе, аще уже и умершу ти, хощу принести ти хвалу – или сердцем, или языкомъ, или умом – иже иногда, живу суцу ти, бых ти досадитель, нынъ же – похвалитель; и нъкогда с тобою спирахся о нъких о приключьшихся или о словъ етеръ, или о коемждо стисъ, или о строць...»⁴⁵. На основании сведений из Жития Стефана Пермского справедливо предположить, что два инока – бу-

⁴² Прохоров Г.М. Епифаний Премудрый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Ч. 1. Вып. 2: (вторая половина XIV–XVI в.). С. 211.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием. // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. 12: XVI век. С. 138.

⁴⁵ Там же. С. 166.

душий епископ, просветитель земли Пермской и книжник Епифаний были не только ближайшими современниками, но и какое-то время вместе пребывали в Григорьевском монастыре (Затворе) в Ростове Великом, и довольно тесно и плодотворно общались.

С определенностью можно утверждать и о том, что в 1380 г. Епифаний Премудрый был иноком Троице-Сергиевой лавры, будучи уже состоявшимся и опытным книжным писцом. Пахомий Логофет в послесловии к Житию Сергия говорит сверх того, что Епифаний Премудрый «много лет, паче же от самого возраста юности»⁴⁶, жил вместе с Троицким игуменом.

В 90-е годы XIV – начале XV в. Епифаний Премудрый создает два своих главных агиографических произведения – Житие Стефана Пермского и Житие Сергия Радонежского. После смерти Сергия Радонежского 25 сентября 1392 г., (что отмечено также и в житии преподобного Епифанием: «Въздвиге на небо руць, молитву сътворивъ, чистую свою и священную душу с молитвою Господеви предаст, в льто 6900-е месяца септевриа 25»),⁴⁷ инок начинает работу по составлению жития преподобного подвижника, отмечая в предисловии к своему произведению: «По льте убо единъм или по двою по преставлении старцьвъ азъ, окаанный и вседръзый, дръзнух на сие».⁴⁸

По нашему предположению, до середины 90-х гг. Епифаний Премудрый ещё пребывал в Троицком монастыре и занимался работой над житием. Однако, в 1408 г. инок находился некоторое время в Твери, укрываясь там от вторжения ордынского темника Едигея, и найдя приют у тверского архимандрита Кирилла, с которым в дальнейшем поддерживал переписку. В дошедшем до нас письме Епифания Премудрого Кириллу Тверскому (после 1413 г.), книжник вспоминает события 1408 г.: «... Внегда бѣжах от лица Едегеева на Тверь, устрашихся, паче же всѣх, у тебе преупокоих претруже-

⁴⁶ Прохоров Г.М. Епифаний Премудрый. С. 210-211.

⁴⁷ Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6: XIV–середина XV века С. 336.

⁴⁸ Там же. С. 276.

ние мое, и тебѣ возвестих печаль мою, и тебѣ явствовах все книжие мое, елицы от разсѣяния и от расточения останах у мене».⁴⁹

В этом письме Епифаний Премудрый также рассказывает Кириллу Тверскому о своих впечатлениях от знакомства и общения с мастером-изографом Феофаном Греком. Знакомство двух русских средневековых мастеров, вероятно, имело место в 90-х годах XIV – начале XV в. в Москве: «Понеже егда живях на Москвѣ, идѣ же бѣше тамо муж он живой, преславный мудрокъ, зѣло философ хитръ, Феофан, гречин, книги изограф...»⁵⁰, из которой книжник вынужден был переселиться в Тверь из-за нашествия темника Едигея. Вероятно, и то, что Епифаний Премудрый был знаком с митрополитом Киприаном и работал под его началом в Москве в это же время.⁵¹

Вторжение темника Едигея в 1408 г. оказалось губительным для Троицкой обители. Пахомий Логофет в своем житии, посвященном Никону Радонежскому (сер. XV в.) – второму (фактическому) игумену Троицкой обители, после Сергия, так описывает разрушение монастыря в ходе ордынского похода: «В таже времена слышашеся безъбожнаго Едегѣя нашествие съ прочими варвары на русскую землю, и бѣше все православие во страхъ велиць зѣло утѣсняемо. <...> Малу же времени минувшу <...>: варваромъ страны они пленующимъ. Достигше же и блаженнаго отца обители, и вся, елика обрѣтоша, огню предаша. Блаженному же Никону с прочими братьями отгуду уклонившуся, мѣсто дая грядущему гнѣву. Варваром же отшедшимъ, паки блаженный (прим.- Никон) ко обители возвращается и видитъ возлюбленное оно мѣсто и труды отца огнемъ сожжени».⁵²

⁴⁹ Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. С. 461.

⁵⁰ Там же. С. 460.

⁵¹ Прохоров Г.М. Епифаний Премудрый. С. 217.

⁵² Житие и подвиги преподобного отца нашего игумена Никона, ученика блаженного Сергия чудотворца // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. 12: XVI век. С.85.

В 10-х гг. XV в. (к 1418 г.) Епифаний Премудрый, пережив вторжение ордынского темника Едигея, вероятно, возвращается в восстанавливаемую Троицкую обитель, где и пытается завершить свою работу над Житием Сергия Радонежского. В предисловии к житию агиограф отмечает: «Преставися 26 лъть преиде, никтоже не дрѣзняше писати о немь...».⁵³ Согласно также предисловию жития, до 10-х годов XV в. работа по созданию жизнеописания преподобного никем не предпринималась. Агиограф говорит об этом: «Како толико лъть минуло, а житие его не писано. <...> Никтоже не дрѣзняше писати о немь, ни далнии, ни ближнии, ни большіе, ни меншіе: болшіе убо яко не изволяху, а меншіи яко не смѣяху».⁵⁴ Однако, как уже было сказано выше, работа Епифания над составлением жизнеописания преподобного Сергия начинается через год или два после преставления святого подвижника. Агиограф это отмечает в своем предисловии, также добавляя, что к моменту непосредственного написания жития «имѣях же у себѣ за 20 лъть приготова ны таковаго списаниа свитки, в нихже бѣяху написаны нѣкыя главизны еже о житии старцевѣ памяти ради: ова убо въ свитцѣхъ, ова же в тетратѣхъ, аще и не по ряду, но предняя назади, а задняя напереди».⁵⁵

Исходя из данного сообщения агиографа вполне оправданно предположить, что предварительная работа и первые записи о жизни и деяниях преподобного Сергия были сделаны агиографом в конце XIV – начале XV вв., во время его пребывания в Москве, следовательно, сбор сведений Епифанием происходил в середине 90-х годов XIV в., в последние годы жизни преподобного Сергия и первые годы после его кончины. По нашему мнению, потребность вернуться в 10-х годах XV в. в Троицкую обитель могла возникнуть у Епифания именно в связи с редакцией и дополнения собственных записей, необходимостью поиска, либо уточнения собранных сведений о жизни преподобного у иноков обители.

⁵³ Житие Сергия Радонежского. С.278.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

Агиограф также уделяет особое внимание и описанию источников информации о Троицком игумене: «И оттоль нужда ми бысть распытовати и въпрашати древних старцовъ <...> слышах и разумъх ... от старецъ слышах, и елика своима очима видъх, и елика от самого усть слышах, и елика увѣдах от иже въслѣд его ходившаго время немало и възлиавшаго воду на руць его, и елика другаа нѣкаа слышахом и от его брата старѣйшаго Стефана, бывшаго по плоти отца Феодору, архиепискому Ростовьскому... же от инъхъ старцевъ древних, достовѣрныхъ бывшихъ самовидцевъ ...; друзии же старци самовидци суще и свидѣтели неложнии и постризанию его <...> и по ряду прочимъ прочии възвъстителю же и сказатели бываху».⁵⁶

Главными источниками информации о жизни и деятельности Сергия Радонежского выступала, прежде всего, монастырская братия и другие люди, знавшие Сергия лично, вплоть до самого преподобного и ростовского архиепископа – старшего брата Сергия, Стефана, а также личные впечатления книжника Епифания. Вероятно, что уже в последние годы жизни преподобного Сергия и в последующие годы после его кончины среди иноков Троицкой обители распространялись устные предания о прославленном игумене, основанные, в том числе, и на личном знакомстве многих монашествующих в обители с самим преподобным. Таким образом, Епифаний Премудрый старался максимально полно зафиксировать эти сведения и работал над их редактированием. Кроме того, о почитании преставившегося игумена идет речь и в предисловии к Житию Сергия Радонежского, сделанного Епифанием: «Гробъ его у нас и пред нами есть, к нему же вѣрою повсегда притекающе, велико утѣшение душамъ нашимъ приемлем и от сего зѣло пользуемся; да поистинѣ велико то есть намъ от Бога дарование даровася».⁵⁷ По всей видимости, данный факт может говорить о том, что местное почитание преподобно-

⁵⁶ Житие Сергия Радонежского. С. 279.

⁵⁷ Там же. С. 278.

го Сергия уже могло существовать на момент создания иноком Епифанием жития преподобного, на что указывает и создание похвального слова Сергию Радонежскому, с заключенной в нем молитвой святому.⁵⁸

Работа над написанием Жития Сергия Радонежского, продолжалась все 10-е годы XV в., до времени кончины средневекового русского книжника, которая произошла не позднее 1422 г. Данный вывод делается на основании того, что обретение мощей преподобного Сергия произошло именно в 5 июля 1422 г., о чем на страницах созданного книжником Жития Сергия Радонежского не упоминается.⁵⁹

Основными произведениями Епифания Премудрого, по которым мы можем судить об особенностях его стиля, являются: Житие Стефана Пермского, Житие Сергия Радонежского, Похвальное слово Сергию, а также его письмо Кириллу Тверскому. По мнению Г.М. Прохорова, «именно «Слово о житии и учении» Стефана Пермского в первую очередь позволяет говорить о Епифании Премудром как о русском писателе, в творчестве которого стиль «плетения словес» достиг наивысшего развития»⁶⁰. В той или иной степени, это характерно для всех его агиографических сочинений, поскольку жестких рамок для написания житий в то время не существовало, и Епифаний Премудрый позволял себе определенную свободу, чем и обуславливается самобытность произведений Епифания Премудрого и его художественный стиль, который исследователи выражают через понятие «плетение словес».

Пахомий Логофет (или Пахомий Серб) - южнославянский агиограф, большую часть своей жизни проведший на территории русских земель. О его жизни вне средневековой Руси известно ровным счетом только то, что агиограф был афонским иеромонахом. Первоначально прибыл в Новгород Великий во второй половине 30-х гг. XV в., выполняя заказы на написание цер-

⁵⁸ Житие Сергия Радонежского. С. 278

⁵⁹ Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый. С. 217.

⁶⁰ Там же. С. 213.

ковных произведений по поручению новгородского архиепископа Евфимия.⁶¹ В Троицкой обители Пахомий появляется к 1438 г. и тогда же создает первую редакцию жития Сергия Радонежского. За 20 лет своего пребывания в стенах Троице-Сергиевой обители (до конца 50-х годов), он создает несколько, а именно, пять редакций Жития Сергия Радонежского, наиболее полной из которых является третья редакция (ок. 1442 г.). По мнению Б.М. Клосса, Пахомий преследовал цель не только для приспособления текста для нужд литургической практики, но учитывая новые политические нюансы, возникшие в результате острого соперничества между двумя кланами великокняжеской династии, и кроме того, с тенденцией прославления иегумена Никона в качестве ученика и преемника Сергия Радонежского.⁶²

Пахомий Логофет являлся известным составителем 10 житий, 14 служб и 21 канона.⁶³ В отличие от произведений Епифания Премудрого, не являются «плетением словес»: его язык достаточно прост, а искусственную сложность и витиеватость приобретает только в риторических вступлениях, отступлениях и похвалах. Значительно влияние Пахомия Серба на всю последующую средневековую русскую агиографию: оформлением строгой структуры агиографического произведения, создания «идеального образа святого». Влияние агиографических произведений, созданных Пахомием Логофетом, таким образом, закрепило устойчивый канон в средневековой русской агиографии на последующие столетия.

К концу 10-х годов XV в., как было указано выше, почитание Сергия Радонежского представляло собой местную форму, и было, преимущественно распространено среди иноков основанной преподобным Сергием обители.

⁶¹ Прохоров Г.М. Пахомий Серб // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Ч. 2. Вып. 2: (вторая половина XIV–XVI в.). С. 167.

⁶² Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т.1. Житие Сергия Радонежского. С.129.

⁶³ Аверьянов К.А. Хронология редакций жития Сергия Радонежского // Славянский альманах. М., 2011. С. 38.

Житие Сергия Радонежского, составленное Епифанием Премудрым, по всей видимости, так и не осталось законченным.

Так, описание двух важных событий в жизни Троицкой обители, а именно – обретение мощей отца-основателя монастыря – преподобного Сергия, и строительства каменного собора на территории обители, в епифаниевском тексте жития Сергия Радонежского не отражаются.

Однако, достаточно полно и подробно события, посвященные обретению мощей Троицкого игумена и строительства каменного храма отражаются в агиографических произведениях, принадлежащих Пахомию Логофету. Так, например, в третьей редакции Жития Сергия Радонежского (создана Пахомием ок. 1442 г.)⁶⁴, эпизод об обретении мощей преподобного игумена 5 июля 1422 г. описан подробно: «И явися <...> святыи Сергии, глаголя: «Рци настоятелю обители сея: вьскую остависта мя сокровенна под землею на многа льта, и водь утьсняючи вь гробь тьло мое». <...> тако роскопашя землю и открывше чудотворныи онь гробь, вкупь же и благоухания араматы духовных исполнишяся. <...> яко не токмо тьло святого цьло и нетльнно показася, но и одежда его, в ней же погребень бысть, цьла бяше вся, кь тльнию никако же причястися. И вода обоюду странь гроба стояше зрима, телеси же святого, ни ризы его нимало прикоснуса. <...> Сътворишя же празьдник радостень мьсяца июля вь 5 день и в раку честно съ псалмопъниемь тьло положишя святого».⁶⁵

В это же время в восстанавливаемой обители преподобного Сергия возводится и каменный Троицкий собор, о чем также сообщает третья редакция Жития Сергия Радонежского, созданная Пахомием Логофетом: «И тако благодатью Христовою и предстательством поручници Владыци нашея Богородица, споспъшеньем събора, създана бысть церковь [каменна] зьло красна и подписаниемь чюдным украси ю, еже и донынь от всьх зрится, яко земное

⁶⁴ Клосс Б.М. Избранные труды. Т.1. Житие Сергия Радонежского. С. 168.

⁶⁵ Третья Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского // Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 419.

небо».⁶⁶ Этот же сюжет о строительстве каменного храма воспроизводится и в Житии Никона Радонежского (сер. XV в.): «По семь же времени тщится еже воздвигнути церковь каменну над гробомъ своего отца, и собираетъ отвсюду зодчиа, и каменосъчца мудры, и плинфотворителя, и поспышениемъ Божиимъ вскоре церковь прекрасну въздвиже во имя иже на се поспышествовавшему въ Троицы славимому Богу».⁶⁷

Кроме того, в житии Никона Радонежского, Пахомий Логофет указывает и на то, что работами по внутреннему устройству Троицкого собора в Троице-Сергиевой обители руководили известные средневековые русские иконописцы – Андрей Рублев и Даниил Черный (20-е гг. XV в., вслед за событием обретения мощей преподобного Сергия: «Въскоре собра мужа живописцы в добродѣтелях совершены, Даниила именемъ, и спостника его Андрѣа, и прочихъ с ними. И абие дѣлу касаются и зѣло различными подписанми удобривше ту, яко и могуща всѣхъ зрящихъ удивити».⁶⁸

Подобное внимание Пахомия Логофета к этим событиям, на наш взгляд, объясняется тем, что на протяжении 30-х- 40-х гг. XV в. ведется активная подготовка к канонизации преподобного Сергия, с чем, на наш взгляд и связана активная деятельность Пахомия Логофета по редактированию жития Сергия Радонежского, и созданию множества редакций, на что также указывает и К.А. Аверьянов.⁶⁹ Вероятно, первым значительным шагом в истории почитания и будущей канонизации Сергия Радонежского являлся уже вышеупомянутый факт обретения мощей преподобного 5 июля 1422 г., произошедший во время строительства главного храма обители – Троицкого собора.

Во-вторых, на период 30-х-40-х гг. XV в. приходится игуменство Зиновия (1432-1445 гг.), которое охватывает длительный период борьбы за вели-

⁶⁶ Третья Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского. С. 419.

⁶⁷ Житие и подвиги преподобного отца нашего игумена Никона. С. 86.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Аверьянов К.А. Хронология редакций жития Сергия Радонежского. С. 39.

кое княжение потомков великого князя Дмитрия Ивановича: между Василием Васильевичем II и звенигородским князем Юрием Дмитриевичем (и сыновьями последнего – Дмитрием Шемякой и Василием Юрьевичем). (1425-1453 гг).

В этот период Троицкая обитель получает многочисленные земельные владения в виде вкладов и пожалований как от великих и удельных князей, так и от прочих крупных землевладельцев, о чем свидетельствуют, например, данная грамота Бориса Константиновича и Федора Вельяминовича <...> Троице-Сергиеву монастырю (ок. 1430 гг.): «Се яз, Борис Константинович да Федор Вельяминович, по приказу Ивана Михайловича и по душевной ево грамоте, деали есма в дом святъи Троици Сергиева монастыря на поминок по ево родетелех и по нем село Мъденское и з деревнями...»;⁷⁰ жалованная двусрочная грамота великого князя Василия Васильевича Троице-Сергиева монастыря игумену Зиновию (1432 или 1433 гг.): « Святъь дъла Троици, се аз князь велики Василеи Васильевичъ пожалова есмь игумена Зиновья съ братьею...»;⁷¹ и другие пожалования Троицкой обители в это время,⁷² что, по всей видимости, свидетельствует о том, что значимость обители преподобного Сергия неуклонно растет и она привлекает внимание и со стороны великих и удельных князей, о чем, например, свидетельствует и жалованная тарханная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича Троице-Сергиевам монастыря игумену зиновию (1439 г.): «Святый ради Троици, се аз князь велики Василеи Васильевич, пожаловал есмь игумена Зиновья Сергиева монастыря з братьею, или кто по нем ины игумен будет...». ⁷³ Поэтому, ввиду возросшего почитания преподобного Сергия в московских пределах, развивает-

⁷⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т.1. С. 64.

⁷¹ Там же. С. 65-66.

⁷² О пожалованиях великих и удельных князей во второй половине 30-х гг. XV в. Троице-Сергиеву см. подробнее. Там же. С. 101-106.

⁷³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т.1. С. 107.

ся и традиция почитания Сергия. Некоторые исследователи⁷⁴ полагают, что первая редакция Жития Сергия Радонежского была создана Пахомием Логофетом в 1439 г., ввиду именно приезда великого князя Василия Васильевича в Троице-Сергиеву обитель на богомолье и вручения игумену Зиновию жалованной грамоты.

В начале 40-х гг. XV в. Пахомием создаются вторая (ок 1440 г.) и третья редакции (ок. 1442 г.) Жития Сергия Радонежского, особой полнотой из которых отличается именно третья редакция, поскольку именно она на протяжении всех 40-х гг. XV в. дополнялась известиями о посмертных чудесах (*miracula*) преподобного Сергия. Среди рассказов о чудесах, добавленных к третьей редакции Жития Сергия Радонежского, самым последним,⁷⁵ идет датированно свидетельство о чудесах, совершенных при гробе святого Сергия 31 мая 1449 г.: «В льто 6957, мьсяца маяя въ 31...».⁷⁶

О почитании преподобного Сергия Радонежского в 40-е гг. XV в. также свидетельствует, например, докончание великого князя Василия Васильевича с князем можайским Иваном Андреевичем. В санкционных частях нескольких вариантов этого докончания указываются ряд княжеских небесных покровителей, среди которых и Сергей Радонежский: «<...> Ино на том, на виноватом, не будет милости божьей и пречистое его богоматери, и молитов великих чудотворцев и святителей Николы, и Петра, и Леонтеа, и преподобных старцев Сергия и Кирила, и молитвы святых родителей наших...».⁷⁷ Полагаем, что ко второй половине 40-гг. XV в., Сергей Радонежский являлся местночтимым святым в пределах московских земель и входил в своеобразный «пантеон» великих князей, а Троицкая обитель – одним из крупных и влиятельных монастырей, пользовавшейся и великокняжеской поддержкой.

⁷⁴ Аверьянов К.А. Хронология редакций жития Сергия Радонежского. С. 39; Клосс Б.М. Избранные труды. Т.1. Житие Сергия Радонежского. С. 129.

⁷⁵ Аверьянов К.А. Хронология редакций жития Сергия Радонежского. С. 44.

⁷⁶ Третья Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского. С. 453.

⁷⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 151, 153, 155.

Доподлинно неизвестно, когда происходит канонизация Сергия Радонежского, тем не менее, существует точка зрения⁷⁸, согласно которой канонизация Сергия Радонежского произошла в 1449 гг. утверждении нового митрополита Ионы.⁷⁹ Вероятно, дополнение к списку чудес, добавленных к третьей редакции Пахомием Логофетом и его четкое датирование, было приурочено именно к этому событию с целью канонизации преподобного Сергия. Таким образом, на прославление и канонизацию Сергия Радонежского оказывали внешние события династического конфликта между потомками Дмитрия Донского, и превращение Троицкой обители в как в значительный духовный центр Северо-Восточной Руси в XV в., так и в крупного земельного собственника, пользующегося поддержкой со стороны великокняжеской власти. Именно этим обуславливается, на наш взгляд, формирование агиографической традиции, посвященной Троицкому игумену, значительное влияние на которую оказала редакторская работа Пахомия Логофета, которую он осуществлял по поручения троицких игуменов в период 30-х-40-х гг. XV в.

1.2. Агиологические представления книжников в предисловиях

В рамках данной главы мы попытаемся изучить предисловие как Пространной редакции Жития Сергия Радонежского, так и ряда других житийных текстов, созданных в рамках русской средневековой агиографической традиции XV–XVI вв., и созданными первыми агиографами преподобного – Епифанием Премудрым и Пахомием Логофетом.

Ещё во второй половине XX в. итальянский лингвист Риккардо Пиккио, изучая наследие одного из первых агиографов преподобного Сергия Радонежского – Епифания Премудрого, заметил, что вступления к двум житиям

⁷⁸ Аверьянов К.А. Хронология редакций жития Сергия Радонежского. С. 44.

⁷⁹ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 270.

средневекового книжника – собственно, Житие Сергия Радонежского и Житие Стефана Пермского, схожи не только стилистически, но также имеют общую структуру и содержание. По мнению исследователя-слависта, предисловие выступает в качестве утверждения определенных и формальных принципов своеобразной «теории писательства», описанных книжником Епифанием в своих произведениях, и включает следующие основания: 1) «сохранение памяти о прославившемся подвижнике есть духовная обязанность; 2) эмоционально писатель должен быть движим желанием и любовью; 3) автор должен следовать сложившейся агиографической традиции (канону) в соответствии с библейской мудростью; 4) слово есть духовный дар, исходящий исключительно от Бога; 5) истинное словесное выражение есть чудо, которое Бог может явить любому созданию».⁸⁰ Подобная трактовка содержания вступительных слов Епифания Премудрого к житию преподобного Сергия, по нашему мнению, является оправданной, и находит отражение в текстах житийных произведений инока Епифания. Однако, как нам представляется, агиологическое содержание предисловий агиографических произведений как Епифания Премудрого, так и Пахомия Логофета, значительно шире, что также доказывает необходимость остановиться на рассмотрении предисловия жития более подробно. Здесь необходимо одно замечание: подобного заголовка в тексте Пространной редакции Жития Сергия Радонежского не указано. Предисловием называет свои вступительные слова сам агиограф: «До зде убо окончавше предисловие, и тако Бога помянувшу и на помощь призвавшу его...».⁸¹

Начало предисловия Пространной редакции представляет собой invocatio - посвящение Богу и Святой Троице, и содержит в себе одну цитату из Нового Завета. Приведем данный фрагмент:

⁸⁰ Пиккио Р. «Поэтика моления» Епифания Премудрого // *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003. С. 663-664.

⁸¹ Житие Сергия Радонежского. С. 281.

**Пространная редакция Жития
Сергия Радонежского**

«<...> «Слава Богу вышнему, иже въ Троици славимому, еже есть упование наше, свѣтъ и живот нашъ, въ негоже вѣруем, вѣн же крестихомся, о немже живемъ, и движемся, и есмы <...>». ⁸²

Библия

«<...> От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем и движемся, и существуем <...>». ⁸³

Несмотря на то, что данный эпизод в составе Священного Писания представляет собой часть слов, произнесенных апостолом Павлом во время проповеди в афинском ареопаге, и в тексте сам по себе не имеет определенной атрибуции (Епифаний Премудрый не дает прямую ссылку на афинскую проповедь апостола Павла, не обрамляет избранную цитату из Священного Писания пояснением), и её возможно интерпретировать, как проявившуюся неосознанно. ⁸⁴ По нашему мнению, присутствие этого эпизода обуславливается тем, что агиограф начинает свое предисловие с довольно пространной и торжественной инвокации - посвящению «Богу вышнему, иже въ Троици славимому». ⁸⁵

Далее следует ещё один элемент Священного Писания в составе предисловия Пространной редакции Жития Сергия Радонежского:

⁸² Житие Сергия Радонежского. С. 278.

⁸³ Деян. 17:26-28.

⁸⁴ Учитывая классификацию, предложенную М.К. Кузьминой (чему посвящена её работа в целом). См. подробнее: Кузьмина М.К. Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV – XVII вв. М., 2015. С. 599.

⁸⁵ Житие Сергия Радонежского. С. 278.

**Пространная редакция Жития
Сергия Радонежского**

«<...> Благодарим Бога за премногу его благодать, бывшую на нас, якоже рече апостоль: «Благодарить Богу о неизреченном его дарь!» Паче же нынъ длъжны есмы благодарити Бога о всем, еже дарова намъ такова старца свята». ⁸⁶

Библия

«<...> Ибо, видя опыт сего служения, они прославляют Бога за покорность исповедуемому вами Евангелию Христову и за искреннее общение с ними и со всеми, молясь за вас, по расположению к вам, за преизбыточествующую в вас благодать Божию. Благодарение Богу за неизреченный дар Его!». ⁸⁷

В данном отрывке предисловия обнаруживается точная цитата из Второго послания к Коринфянам. Оба текста связывает общий контекст, утверждающий духовную связь между святым и паствой, то есть, по нашему мнению, под «неизреченным даром» понимается «переизбыточествующая» благодать именно паствы (о чем утверждает в Послании апостол Павел). Однако в предисловии данный контекст выражен не совсем ясно. Примечательно и то, что сам Елифаный имя апостола не обозначает, невзирая на точность цитируемого эпизода. Можем предположить, что её четкая атрибуция не представлялась необходимой, либо причина может быть в чем-то ином. Функцию непосредственно в контексте предисловия мы можем определить, как устойчивое выражение в составе инвокации предисловия Пространной редакции.

⁸⁶ Житие Сергия Радонежского. С. 278.

⁸⁷ 2 Кор. 9:12-15.

В Житие Стефана Пермского, авторства самого Епифания, и в Житие Кирилла Белозерского Пахомия Логофета, подобная пространная invocatio отсутствует, ограничиваясь лаконичным: «Благослови, отче!».⁸⁸

Далее следуют весьма примечательные рассуждения книжников Епифания и Пахомия в Пространной редакции Жития преподобного Сергия и Жития Кирилла Белозерского, приведем их:

Пространная редакция Жития Сергия Радонежского

«Въсть бо Господь славити славящая его и благословяти благословящая его, еже и присно прославляет своя угодники, славящая его житиемъ чистым, и богоугодным, и добродѣтельным. <...> еже дарова намъ такова старца свята, глаголю же господина преподобнаго Сергия <...>

Гробъ его у нас и пред нами есть, к нему же вѣрою повсегда притекающе, велико утѣшение душам нашимъ приемлем и от сего зѣло пользуемся; да поистинѣ велико то есть намъ от Бога дарование дарова-
ся».⁸⁹

Житие Кирилла Белозерского

«Понеже убо онѣмъ великимъ божественымъ мужем, иже въ постъ и подвижъ просиавшим, иже потолику велику побѣду на враги мужескы показавше и мира сего вся красная и суетная, иже в малъ услажаемая, преобидѣвъша, проразумѣвъше, яко вся суть временная <...> иже Пресвятаго Духа силою крестъ на ramo вземше и многокозненаго и прегрѣдаго змиа своими ногами, посрамивше, низложиша и конечному безвѣстию предаша, и сего ради Царствия Небеснаго сподобишася, и тѣмъ райския двери отврзени быша».⁹⁰

⁸⁸ См.: Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием. С. 138; Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. 12: XVI век. С. 136.

⁸⁹ Житие Сергия Радонежского. С. 278.

⁹⁰ Житие Кирилла Белозерского. С. 136.

Интересны эти фрагменты, по нашему мнению, именно тем, что отражают агиологические представления книжников о преподобническом лике (типе) святости. Епифаний Премудрый в своем высказывании отмечает, что прославление Бога достигается посредством богоугодной и добродетельной жизни, а также прямо называет Сергия Радонежского преподобным, тем самым, по нашему мнению, определяя сущностную сторону его подвига и содержания основной части жития.

Рассуждения же Пахомия Логофета о святости являются несколько более общими. Он описывает составляющие святости вообще, отмечая у «великих божественных мужей» прославление в посте и подвиге, мужественную победу над врагами, которыми являются дьявольские силы (черта, в наибольшей степени присущая преподобническому лику святости).

Для понимания агиологических представлений Пахомия Логофета важен и другой фрагмент предисловия Жития Кирилла Белозерского: «...Паче же помышляюще: «Такови они чelовѣци бѣху, якоже и мы, и подобострастни прочим чelовѣком, но не бѣше тѣх произволение, якоже прочим чelовѣком».⁹¹ В этом высказывании книжника Пахомия раскрывается тема восприятия святых в Средние века в целом, поскольку святые в равной степени принадлежат как земному миру, являясь своеобразными посредниками между человеческим, земным миром, и миром небесным, сакральным. Пахомий подчеркивает это фразой, указывая и на то, что святые разделяют с обычными людьми грехи и страсти: «Такови они чelовѣци бѣху, якоже и мы, и подобострастни прочим чelовѣком», но при этом выбирают иной путь.

Что же отличает святого от любого другого человека? Пахомий дает на этот вопрос ответ в том же высказывании – это «произволение», или иначе – воля. Агиографом при этом не уточняется, какова может быть природа волеизъявления святого, в какой степени эта воля принадлежит самому подвижнику или является результатом божественного предопределения. Полагаем,

⁹¹ Житие Кирилла Белозерского. С. 136.

что имеется в виду воля выбирать: между земным и горним миром. Пахомий Логофет развивает свое высказывание об отличии обычных людей от святых далее: «Но вмѣсто телеснаго покоя изволиша зълныя труды и бользни, и вмѣсто сна всенощное стоание, и вмѣсто веселиа радостнотворный плачь, и вместо чловѣчьскихъ молвъ выину съ Богомъ бесѣдование...»,⁹² раскрывая содержание святой преподобнической жизни через противопоставление черт мирского бытия.

Примечателен и следующий эпизод, содержащий фрагменты и отсылки к Священному Писанию (а именно – к книге Бытия и Псалтири). Приведем их в сравнении:

Житие Кирилла Белозерского

«И к Нему, якоже по нѣкихъ степенехъ, днь от дне приближающа, и гласъ всегда тѣхъ бѣше: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое!»».⁹³

Библия

«И увидел (прим. – Иаков) во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней».⁹⁴

«Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: буду петь и славить"».⁹⁵

В данном, завершающем фрагменте, содержащем общее представление Пахомия Логофета о святости, книжником, на основе библейского ветхозаветного сюжета из Книги Бытия о сне Иакова и Псалтири создается очень яркая метафора, описывающая путь подвижничества святых как восхождение

⁹² Житие Кирилла Белозерского. С. 136.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Быт. 28:12

⁹⁵ Пс. 56:8

по ступеням в Царствие Небесное, что также отражено в раннехристианской аскетической литературе: библейский образ Лестницы Иакова⁹⁶ лежит в основе одного из раннехристианских памятников аскетической литературы, принадлежащих авторству аввы Иоанна Синайского – «Лествица» (кон. VI в.). Данный памятник, по замечанию святителя Димитрия Ростовского «...отличается глубокой духовной опытностью, съ которой соединено глубокое знание Священного Писания... Лествица святаго Иоанна была всегда настольною книгою для иноковъ, живущихъ в общежитии.»⁹⁷ Фрагмент Псалтири также является яркой составляющей этой метафоры, и завершает её.

Заканчивая вступительную агиологическую часть предисловия, агиограф представляет героя своего произведения - Кирилла Белозерского, при этом в предисловии книжник Пахомий именует его исключительно святым или блаженным, обозначение лика святости преподобного Кирилла, при этом отсутствует. Приведем в качестве примеров эпизоды из предисловия жития Белозерского преподобного: «Днесь основанию начало приати хочеть — иже сихъ ревнитель достохвалный Кирииль да глаголеться.»⁹⁸ «бъше бо велию въру имья къ блаженному Кирилу»,⁹⁹ и называя Кирилла Белозерского святым только в начале непосредственного повествования в основной части: «Сый убо преподобный отецъ нашъ Кирииль родися...».¹⁰⁰ Каким образом можно объяснить эту деталь – вопрос сложный, так как в произведениях Пахомия Логофета встречаются наименования святых с присущим им титулом (ликом святости). Например, в Первой Пахомиевской редакции Жития Сергия Радонежского (составлена в 1438-1439 гг.): «...От них же и великый сый

⁹⁶ Лествица, возводящая на небо преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы. М., 1999. С. 15.

⁹⁷ Житие преподобного отца нашего Иоанна Лествичника // Святитель Димитрий Ростовский. Жития святых. Киев, 2007. Т. 7. Март. С. 607.

⁹⁸ Житие Кирилла Белозерского. С.137.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. С. 138.

преподобнии Сергие, о нем же нынъ намъ и слово прѣдлежить».¹⁰¹ Хотя уже в Третьей Пахомиевской редакции (составлена ок. 1442 г.): «Свѣтилници въсиавша, яко же бы реци, всю подсолнечную просвѣщаючи, в них же великии Сергии въсиа, о нем же нам нынъ слово прѣдлежить».¹⁰² В отношении редакций Жития Сергия Радонежского такая стилистическая неточность может быть объяснена именно малыми промежутками времени, через которые Пахомий Логофет создавал свои редакции, следовательно – это ошибка, закравшаяся в текст в процессе редактирования материалов нового текста жития.

1.3. «Моление» средневекового русского книжника

Обращаясь к предисловию агиографических произведений Епифания Премудрого и Пахомия Логофета далее, обнаруживается один из ключевых мотивов составленных ими предисловий – это мотив моления. Рассмотрим данные фрагменты:

Пространная редакция Жития Сергия Радонежского	Житие Стефана Пермского	Житие Кирилла Белозерского
«Въздохнув къ Богу и старца призвавъ на молитву, начяхъ по-дробну мало нѣчто пи-	«Но молю вы ся, боголюбцы, дадите ми простыню и молитвуйте о мнѣ, аз бо есмь	«<...> И помощи убо Божиа прося, святаго же и приснопамятного отца боговъщател-

¹⁰¹ Первая Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского // Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 344.

¹⁰² Третья Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского. С. 378.

сати от житиа старьце- ва, и к себѣ вѣтайнѣ глаголя: «Азѣ не хва- таю ни пред кым же, но себѣ пишу, а запаса ра- ди, и памяти ради, и ползы ради». ¹⁰³	умом грубѣ и словом невѣжа, худѣ имѣя ра- зумѣ и промыслѣ вредоумень <...>». ¹⁰⁴	ных молитвъ надѣяся, по достижному къ иже по Бозѣ живущим исти- тинѣ дателем опасним, руку прострох къ по- вѣсти <...>». ¹⁰⁵
---	--	--

В содержание предисловий мотив моления, по нашему мнению, является структурообразующим элементом, общей формой предисловия. В этой особенной форме выражаются основные положения агиографов касательно их работы по составлению житийных произведений и проявляется концепция «теории писательства» Р.Пиккио, представленная выше. В наибольшей степени подробно мотив моления находит отражение в произведениях Епифания Премудрого, и, в меньшей степени – у Пахомия Логофета, который приводит эти слова уже перед непосредственным началом повествования о преподобном Кирилле, в своего рода заключении к предисловию. Остановимся подробно на мотиве моления у книжника Епифания.

Епифаний следующим образом описывает причины и мотивы, которые подвигли его на начало составления своих житийных произведений:

Пространная редакция Жития Сергия Радонежского	Житие Стефана Пермского
«И сице ожидающу ми в тако- ваа времена и лѣта, и жадающу ми	«Желанием обдержим есмѣ и любовию подвизаем, хотѣл бых

¹⁰³ Житие Сергия Радонежского. С. 278.

¹⁰⁴ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием. С. 138.

¹⁰⁵ Житие Кирилла Белозерского. С. 137.

того, дабы кто паче мене и разумнее мене описалъ, яко да и азъ шед поклонюся ему, да и мене поучит, и вразумить. Но распытавъ, и услышавъ и увѣдавъ извѣстно, яко никтоже нигдѣ же речеся не писаше о немъ, и се убо егда въспомяну или услышу, помышляю и размышляю: како тихое, и чюдное, и добродѣтельное житие его пребысть бес писаниа по многа времена? <...> желанием побѣждаася. И наиде ми желание несыто еже како и коим образом начяти писати, акы от многа мало, еже о житии преподобнаго старца». ¹⁰⁶

написати мало нѣчто, яко от многа мало, на воспоминание купно же и памяти ради от добрых и чюдных житий преподобнаго отца нашего Стефана, бывшаго епископа иже в Перми». ¹⁰⁷

Подобная формула встречается, также и у Пахомия Логофета: «Тъмъже желаниемъ и любовию еже къ святому множае огня разждигаем...». ¹⁰⁸ На основании данного фрагмента предисловия, Р. Пиккио выводит одни из принципов «теории писательства»: эмоционально агиограф должен быть движим желанием и любовью. Подобные рассуждения агиографов исходят, на наш взгляд, из обстоятельств создания агиографами своих произведений и представляют своеобразную отправную точку к осуществлению писательских замыслов.

Гораздо более обширнее в предисловиях представлены размышления о цели создания житийных текстов:

¹⁰⁶ Житие Сергия Радонежского С. 278.

¹⁰⁷ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшаго епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием. С. 138.

¹⁰⁸ Житие Кирилла Белозерского. С. 137.

Пространная редакция Жития Сергия Радонежского

«<...> Себѣ вътайнѣ глаголя:
«Азѣ не хватаю ни пред кым же, но
себѣ пишу, а запаса ради, и памяти
ради, и ползы ради». <...> Аще бо
мужа свята житие списано будет, то
от того плъза велика есть и утѣше-
ние вкупѣ писателем, сказателем,
послушателем; аще ли же старца
свята житие не писано будет, а са-
мовидци и памятухи его аще будут
преставилися, то кая потреба толи-
кую и таковую плъзу в забытии по-
ложить и, акы глубинѣ, мльчанию
предати?»¹⁰⁹

Житие Стефана Пермского

«Иже преподобных мужей жи-
тие добро есть слышати или и пре-
писати памяти ради: обаче от сего
приносити успѣх не худ и ползу не
малу послушателем и сказателем,
свьдуци извьсто. <...> Аще ли не
написана будутъ памяти ради, то
изыдет из памяти и в преходящая
лѣта и преминующим родом удобь-
сия забвена будетъ. Да аще бес пи-
сания забываема бывають, то не по-
лезно есть еже в забытии положить
житие его и акы глубинѣ мльчанию
предати толику ползу».¹¹⁰

В предисловии Жития Кирилла Белозерского Пахомий Логофет также говорит о цели создания жития: «яко да не умолчано будет праведное и да не забвению глубинѣ предано будет иже пред многими лѣты бывшее, но на общую всѣм преложится ползу хотящим слышати, якоже явить и нынѣ».¹¹¹

Целью создания агиографических текстов, по мысли книжников, является сохранение примера подвижничества святых, духовной памяти о них, для потомков – будущих поколений живущих. Р. Пиккио обозначил этот принцип «теории писательства» как: сохранение памяти есть духовная обя-

¹⁰⁹ Житие Сергия Радонежского. С. 278-279.

¹¹⁰ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим. С.138.

¹¹¹ Житие Кирилла Белозерского. С. 137-138.

занность. И особенную важность это представляет для всех тех, кто вступает на путь совершения иноческого подвига. В Пространной редакции Жития Сергия Радонежского: «И того ради сиа вся събравше, начинаем писати, яко да и прочии мниси, яже не суть видали старца, да и ть прочтут и поревнують старцевъ добродѣтели и его житию вѣрують...».¹¹²

Для подчеркивания важности подобной цели, Епифаний Премудрый в своих произведениях ссылается на авторитет Василия Великого, приводя его высказывание. Рассмотрим эти фрагменты:

Пространная редакция Жития Сергия Радонежского

«Пишет же Великий Василие:
«Буди ревнитель право живущимъ и
сих житие и дѣание пиши на сердци
своемъ». Видь, яко велит житиа
святых писати не токмо на харатиах,
но и на своем сердци плъзы ради, и
не скривати и ни таити: тайна бо ца-
рева льпо есть таити, а дѣла Божиа
проповѣдати добро есть и полез-
но».¹¹³

Житие Стефана Пермского

«Пишет же и великий Васи-
лей в поучении своем, глаголя: «Бу-
ди ревнитель право живущимъ, и
сих имена и житиа и делеса написа-
ти на своем сердци». Елма же азъ не
достигох в ту мѣру и не приидох в
сие прясло, еже невидимо на разум-
ных скрыжалѣх сердечных писати,
но на чювьственных хартиахъ изво-
лих писати».¹¹⁴

Утверждая важность цели создания жития, и подкрепляя её авторите-
том одного из самых значимых произведений отеческой литературы автор-

¹¹² Житие Сергия Радонежского. С. 280.

¹¹³ Житие Сергия Радонежского. С. 279.

¹¹⁴ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, со-
ставленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием. С. 138.

ства Василия Великого¹¹⁵, Епифаний Премудрый тут же обращается и к высшему авторитету – Священному Писанию, воспроизводя отрывок из книги Товита:

**Пространная редакция Жития
Сергия Радонежского**

«<...> Виждь, яко велит жития святых писати не токмо на харатиах, но и на своем сердци плъзы ради, и не скривати и ни таити: тайна бо царева льпо есть таити, а дъла Божиа проповъдати добро есть и полезно».¹¹⁶

Библия

«<...> Тайну цареву прилично хранить, а о делах Божиих объявлять похвально. <...>».¹¹⁷

В тексте предисловия данная цитата из второканонической книги Ветхого Завета – Книги Товита, является неатрибутированной. В контексте самого ветхозаветного текста, данная фраза принадлежит ангелу Рафаилу - одному из главных героев повествования – поучающего Товита и его сына Товию о значимости прославления имени Божьего. Полагаем, обращаясь к авторитету, как одного из видных Отцов Церкви, так и к авторитету Священного Писания, Епифаний Премудрый утверждает цель создания своего агиографического сочинения.

Создание книжником житийного произведения видится как особо рода подвиг, своеобразный способ постижения святости. Епифаний Премудрый так описывает самого себя в предисловиях своих житийных произведений:

¹¹⁵ Вероятно, Епифаний Премудрый ссылался на Слова Василия Великого, посвященные мученику Гордию и памяти 40 мучеников. См. подробнее: Святитель Василий Великий. Творения. Т.1: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. М., 2008. С. 697-707.

¹¹⁶ Житие Сергия Радонежского. С. 279.

¹¹⁷ Тов.12: 7.

Пространная редакция Жития Сергия Радонежского

«Но боюся усумняся прикоснутися повѣсти, не смью и недоумью, како бы сътворити пръвье начатокъ подписанию, яко выше силы моя дѣло бысть, яко немощень есмь, и грубъ, и неразумичень». ¹¹⁸

Житие Стефана Пермского

«Сего ради и азъ, худый и недостойный». ¹¹⁹

Агиографу очень важно подчеркнуть мотив смирения, с которым он подходит к созданию своих произведений. Добродетель смирения противопоставляется гордыни, которой книжник остерегается, как одного из самых сильных греховных человеческих состояний.

Интересна в этом контексте и аллюзия на новозаветную притчу о рабе и таланте. Рассмотрим этот эпизод:

Пространная редакция Жития Сергия Радонежского

«Паки же другойци другаа печаль приемлет мя и обдержит мя: аще бо азъ не пишу, а инъ никтоже не пишет, боюся осужения притчи онога раба лъниваго, скрывшаго талантъ и обльнившагося». ¹²⁰

Библия

«<...> Получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. <...> ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; <...>». ¹²¹

¹¹⁸ Житие Сергия Радонежского. С. 280.

¹¹⁹ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием. С. 138.

¹²⁰ Житие Сергия Радонежского. С. 280.

¹²¹ Мф.25:14-30.

Данная аллюзия примечательна, по нашему мнению, тем, что инок Епифаний, таким образом, подчеркивает, во-первых, значимость цели, ради которой предпринимается создание жития преподобного Сергия, а, во-вторых, подчеркивая свое несовершенство и смирение, и дает комментарий к данному высказыванию, объясняя, что святой игумен: «Добрый старец, чюдный страсотръпецъ, без лъности повсегда подвигомь добрымъ подвижаашесе и николи же обленися; мы же не токмо сами не подвижаемся, но и того готовых чюжих трудовъ, еже в житии его, льнимся възвъстити писаниемь...»,¹²² тем самым не только противопоставляя себя святому, но подкрепляя цель и важность работы по составлению житийного текста, посвященного преподобному Сергию.

Кроме того, в ходе своего «моления» Епифаний Премудрый различает мудрость земную, и мудрость небесную. Это выражается в тексте предисловий следующим образом:

Пространная редакция Жития Сергия Радонежского

«От Бога прошу милости, и благодати, и дара слову, и разума, и памяти. И аще Богъ подасть ми, и вразумит мя, и наставит мя, своего си раба неключимаго, не отчаю бо ся милости его благыя и благодати его сладкыя».¹²³

Житие Стефана Пермского

«Не бывшу ми во Афинъх от уности, и не научихся у философъ их ни плетения риторска, ни вѣтйских глаголь, ни Платоновых, ни Аристотелевых бесѣд не стяжах, ни философия, ни хитрорѣчия не навыкох, и спроста, отинуд всь недоумѣния наполнихся. Но надѣюся на Бога всемилостиваго и всемогущаго, «от негоже вся возможна суть», иже

¹²² Житие Сергия Радонежского. С. 280.

¹²³ Там же.

дает нам милость свою обильно своею благодатию, и молюся ему, прежде прося у него слова потребна, «аще дасть ми слово надобно во отвержение усть моих».¹²⁴

Агиограф подчеркивает, что сам по себе дар слова исходит от Бога, что Слово свято, противопоставляя святое Слово, тем самым, мирским «хитроречиям». Само содержание работы по составлению жития, таким образом, является одним из путей духовного самосовершенствования, своеобразным подвигом. Данный эпизод также отражает и два принципа концепции «теории писательства» Р. Пиккио: слово – это духовный дар, который исходит исключительно от Бога; истинное словесное выражение есть чудо, которое Бог может явить любому созданию.

О молении в предисловиях книжника Епифания к Богу свидетельствуют следующие фрагменты:

Пространная редакция Жития Сергия Радонежского

«Аще бо и побъжаеть нашу худость, но обаче молимся всемило- стивому и всесилному Богу и пре- чистъй его Матери, яко да уразумит и помилует мене грубаго и неразум- наго, яко да подасть ми слово въ от- врьзение усть моих, не моего ради,

Житие Стефана Пермского

«Прошу дара, да ми пошлет благодать свою в помощь мою, да ми подасть слово твердо, разумно и пространно, да ми воздвигнет умъ мой, отягченный унынием и дебель- ством плотным, да ми очистит серд- це мое, отрупленное многими струпы

¹²⁴ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, со- ставленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием. С. 138.

глаголюще, недостойнства, но молитв ради святых старецъ. И самого того призываю Сергия на помощь и съосъняющую его благодать духовную, яко да поспышникъ ми будет и слову способникъ <...> Бога помянувшие и на помощь призвавшие его <...>».¹²⁵

душевных вредовъ и телесных страстей, яко да бых возмогль поне мало нъчто написати и похваляти добляго Стефана, проповѣдика въре и учителя Перми и апостолом наслѣдника <...> Богу помагающе, и молитвам епископлям споспѣшествующим, начнем основу слову и зачало глаголемых».¹²⁶

В молении Епифания Премудрого выстраивается своеобразная иерархия тех, кому адресованы его молитвы: на первом месте Бог (зачастую он выражен в Троице), Богородица, и святой, которому посвящено житийное произведение. Сам же агиограф занимает в этой иерархии низшее положение, характеризуя себя, что мы видели и выше, как «раба неразумного и недостойного» - человека мирского, что также подтверждает и тезис о том, что святой занимает положение посредника в отношениях человека, представляющего земной мир, и Божества, представляющего горний, небесный мир.

Подобное можно заметить и у Пахомия Логофета к предисловию в Житии Кирилла Белозерского: «помощи убо Божия прося, святаго же и приснопамятного отца боговъщательных молитв надъяся, по достижному къ иже по Бозь живущим истинь дателем опасним, руку прострох къ повѣсти»,¹²⁷ который молением к Богу и святому преподобному оканчивает свои вступительные слова.

Таким образом, предисловия к житийным произведениям у первых агиографов преподобного Сергия Радонежского, имеют насыщенное и раз-

¹²⁵ Житие Сергия Радонежского. С. 280.

¹²⁶ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием. С. 139.

¹²⁷ Житие Кирилла Белозерского. С. 137.

ноплановое содержание и предоставляют обширный материал для изучения внутреннего мира русского средневекового книжника, его агиологических представлений, отношения к созданию агиографического произведения. Агиологические представления Епифания Премудрого и Пахомия Логофета представляют собой как отдельные высказывания о месте святого в земной и небесной иерархии, о качествах святых (добродетельной жизни, мужестве), так и имеют вид сложных метафор, раскрывающих те или иные стороны постижения святости (духовное самосовершенствование, добродетель смирения). Помимо этого, агиографы создают и своеобразную иерархию агиологических отношений: Бог и Богородица, как сосредоточие благодати, пребывающие в Царствии Небесном; Святой, как посредник между двумя мирами, молитвенник за людей перед Богом; и книжник, представляющий мир, только ступивший на путь спасения, и обращающийся с молитвами и непосредственно к Богу, и к его угоднику. При этом особое место играют противопоставления категорий: утверждение цели создания (сохранение памяти о святом для живущих и будущих поколений, что в целом отражает определенную дидактическую направленность житийных текстов) агиографического произведения утверждается через противопоставление небесной «вечности» мирскому «забвению»; Священность Слова, исходящего от Бога, противопоставляется «мирской мудрости», что выражает создание жития как одного из благочестивых деяний на пути к спасению, как формы подвижничества и духовной обязанности для иноков.

Особое значение имеет и присутствие в тексте предисловий агиографических произведений элементов Священного Писания. Подобные элементы являются, как и подтверждением слов агиографов, ссылками на авторитет сказанного в предисловиях, так и образуют сложные по структуре элементы предисловий, имеющих определенную смысловую и ценностную нагрузку. В этом случае элементы Священного Писания бывают ярко акцентированными:

имеют ссылку либо на конкретного персонажа Библии, которому слова принадлежат, либо указание на высший авторитет в целом.

В иных случаях элементы Священного Писания в контексте предисловий не имеют определенной атрибуции, обретая свое место в структуре в виде устойчивых формул, обуславливаемых агиографической традицией (каноном). Зачастую, они не имеют какой-либо определенной функции, и, вероятно, не осознается самим агиографом, хотя и принадлежность такого элемента к определенной части библейского корпуса (Ветхий Завет, Новый Завет, Псалтирь, второканонические книги), по нашему мнению, показывает то, для каких элементов определенная функциональная нагрузка в наибольшей степени присуща.

Глава 2. Топика преподобнических житий

Развивая тему житий как особого агиографического жанра, нельзя не отметить и то, что исторически, в рамках православной агиографической традиции: византийской и её преемнице – средневековой русской, и, в меньшей степени – в западноевропейской католической, традиции, возникли внутрижанровые разновидности житийных произведений, основой которых служат определенные агиологические типы (лики святости).

В западноевропейской католической ветви общей агиографической традиции сложилась иерархия, которую составляют следующие 6 агиологических типов: патриархи (Patriarchae); пророки (Prophetae); апостолы (Apostoli); мученики (Martyres); исповедники (Confessores); девы (Virgines). Перечень данных агиологических типов содержится в Лоретанской литании (молитве Пресвятой Богородице),¹²⁸ первая запись которой датируется второй половиной XVI в. Тем не менее, четкой системы титулования святых, согласно их агиологическому типу, в католической традиции не сложилось. Обычно люди, ведшие праведную и добродетельную жизнь, Католической церковью подразделяются на святых и блаженных – праведников, прославленных в ходе процесса беатификации, который, в свою очередь, предваряет канонизационный процесс, в ходе которого блаженный возводится в ранг святых.

В восточной христианской традиции: византийской и средневековой русской иерархия святых несколько более разветвленная, и состоит из 10 агиологических типов: апостолы, Богоматерь и жены-мироносицы; мученики и мученицы; равноапостольные; преподобные; преподобномученики; святители; священномученики; благоверные; праведники; юродивые.

¹²⁸ Литания Пресвятой Богородице // Молитвенник для католиков латинского обряда. М., 1979. С. 111-115.

Агиологический тип, по нашему мнению, является одним из главных критериев, на основе которого агиограф создает основную часть своего житийного произведения, поэтому остановимся более подробно на преподобническом лице святости.

Сущность преподобнического агиологического типа заключается в подражании Христу (*imitatio Christi*) посредством монашеского подвига: отречение от мирского мира (от материальных благ и своего собственного плотского естества) и стяжание духовной, Божественной благодати. В иноческом подвиге гармонично сочетаются две составляющие, также разные по своей природе.

Так называемое «телесное делание» выражается в монастырских трудах и послушничестве (в предисловии к Житию Кирилла Белозерского выражено так: «изволиша зълныя труды и бользни»¹²⁹); бдение (и вообще воздержание ото сна, что так же подчеркивает Пахомий Логофет в своем предисловии к Житию Кирилла Белозерского: «и вмѣсто сна всенощное стоание»¹³⁰); воздержанность в общении и одежде (у инока Пахомия: «и вместо чловѣчьскихъ молвъ выину съ Богомъ бесѣдование»¹³¹; у Епифания Премудрого данная черта вынесена также в название одной из глав Жития Сергия Радонежского: «О худости портъ Сергиевыхъ и о нѣкоемъ поселянинѣ»¹³²).

«Духовное делание» состоит в общении с Богом и постижении тайн его благодати посредством молитв, особое место среди которых занимает Иисусова молитва; постижение добродетелей смирения и любви к ближнему; борьба с темными, дьявольскими силами. Одной из ключевых особенностей образа преподобных становится, таким образом, уподобление ангелам (*imitatio angeli*). Так, например, в Житии Евфросинии Суздальской встречается

¹²⁹ Житие Кирилла Белозерского. С. 136.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

¹³² Житие Сергия Радонежского. С. 315.

ся такая формула: «Ея же житие подобно аггелом, ибо тѣх имѣяше поспѣшники». ¹³³

Об этом упоминает и Пахомий Логофет в своем предисловии к Житию Кирилла Белозерского: «нынѣ же послѣдняго рода нашего кто житие тѣх изрещи възможесть или по достоинству похвалити, ихже житию и сами аггели удивишася и похвалиша». ¹³⁴ Поэтому одной из главных вех в преподобнических житиях является эпизод пострижения святого как своеобразный рубеж, связывавший его с земной, мирской жизнью, разрыв с ней, и перерождение в качестве инога, не принадлежащего земному миру, существа – инока, что сопровождается и не только особым ритуалом пострижения, но и традицией монашеского имянаречения (смены имени). В преподобнических житиях сюжет о пострижении будущего святого описывается метафорой «принятие ангеловидного облика».

Елифаній Премудрѣй приводит основные вехи повествования в предисловиях к основным частям своих агиографических сочинений – Житию Стефана Пермского и Житию Сергия Радонежского:

Житие Стефана Пермского

«О немже слово изначала при-
ходит еже от рожения его и издѣт-
ска; и во уности и во иночествѣ и во
священничествѣ, и во святительствѣ
даже и до самого преставления его,
еже добродѣяния его, еже и похвала,

Пространная редакция Жития Сергия Радонежского

«<...> Хотѣль убо бых писати
от самого рожества его, и младень-
ство, и дѣтство, и въ юности, и во
иночествѣ, и въ игуменьствѣ, и до
самого преставления, да не забвена
будут толикаа исправления его, да

¹³³ Житие Евфросинии Суздальской // Клосс Б.М. Избранные труды. М., 2001. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. С. 378.

¹³⁴ Житие Кирилла Белозерского. С. 136.

и елико подобная сим».¹³⁵

не забыто будет житие его чистое, и тихое, и богоугодное».¹³⁶

Приводимая Епифанием структура жития, таким образом, выглядит следующим образом: рождение; детство и юность; иночество (отшельничество до пострижения); священство/игуменство (в зависимости от агиологического типа святого, так как Стефан Пермский прославлен в лике святителей, а Сергей Радонежский – в лике преподобных), прижизненные свершения и деяния (praxis) и преставление. Впрочем, подобная структура является лишь основой канона – агиографической традиции, сложившейся в средневековой Руси к началу XV в. Данные элементы, являются, как правило, обязательными в житийном произведении: агиографы обязательно упоминают эти вехи из жизни святого.

По выражению В.О. Ключевского, жития святых «есть лишь ряд отдельных эпизодов, изображающих торжественные моменты в жизни святого».¹³⁷ Однако, несмотря на стилистический канон и устойчивую структуру, обусловленную развитием традиции создания агиографических памятников, это не отменяет того факта, что агиограф имел возможность так или иначе влиять на содержательную сторону: 1) акцентированием внимание потенциального читателя на каком-либо моменте жития святого; 2) дополнять содержание своего агиографического произведения деталями, по факту не имеющими отношения к подвижничеству своего героя: такими деталями служат своего рода «лирические отступления» - эпизоды, охватывающие описание некоторых реалий эпохи, в которую жил святой; оценки этих исторических реалий самим агиографом; выстраивание вокруг тех или иных событий жи-

¹³⁵ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием. С. 138.

¹³⁶ Житие Сергия Радонежского. С. 280.

¹³⁷ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989. С. 63.

тия сложных конструкций, в которых находят отражения тексты Священного Писания. Кроме того, житие святого, в ходе развития истории его почитания, обрастало дополнительными событиями об уже посмертной жизни подвижника: обретением и перенесением мощей (*translatio*), посмертными чудесами (*miracula*), видениями божественных сил, которые также фиксировались, тем самым, дополняли житие святого (или сосуществовали параллельно с ним).

Кроме того, агиографам, по нашему мнению, было важно в своем произведении подчеркнуть духовную преемственность прославляемого ими подвижника с подвижниками прошлых эпох, в частности, и со Священной Историей – в целом, что является одним из аспектов цели создания агиографического произведения. В ряде случаев агиограф мог и не знать всех сведений о святом, поэтому опирался на уже известные ему примеры добродетельного жития, того, как святой должен был поступить в том или ином главном событии в своей жизни. Всему этому служит агиографическая топка.

Под топкой в агиографической традиции мы понимаем совокупность устойчивых сюжетных и структурнообразующих элементов, используемых агиографом при создании жития. Агиографическая топка проявляется, как в обязательных сюжетах, обусловленных общей агиографической традицией (канон), но и, как это было показано ранее, и в предисловиях на примерах функционирования в тексте одной из разновидностей агиографической топки – библейской, что позволяет делать выводы о стилистических и творческих особенностях книжников, так и в ряде дополнительных деталей: именах родителей, отношении с окружением, проявлениях божественной благодати, и так далее.

Данная глава посвящена исследованию некоторых топосов Пространной редакции Жития Сергия Радонежского в сравнении с преподобническими агиографическими памятниками разных эпох.

2.1. Происхождение и обстоятельства рождения преподобных

Начало основной части преподобнических житий традиционно начинается с описания родителей святого. Агиограф при этом подчеркивает благородство и добродетельность супружеской четы, давшей земному миру будущего подвижника. Зачастую «благородство» семейства подразумевается буквально: святые преподобные имеют аристократическое происхождение, хотя не во всех преподобнических житиях это обозначается явно:

Пространная редакция Жития Сергия Радонежского

«Съй преподобный отецъ нашъ Сергие родися от родителя доброду и благовѣрну: от отца, нарицаемаго Кирила, и от матере именем Мариа, иже бѣста Божии угодници, правдиви пред Богомъ и пред чловеки, и всячьскими добродѣтелми исплньнени же и украшени, якоже Богъ любит». ¹³⁸

Житие Феодосия Печерского

«Въ томъ бѣста родителя святаго въ вѣрь крѣстияньстѣй живуща и всячьскимъ благочѣстиюмъ украшена». ¹³⁹

Сергий Радонежский происходил из слоя ростовской знати, что подчеркивает Епифаний Премудрый далее в своем повествовании: «Сей убо прежереченный рабъ Божий Кириль преже имѣаше житие велико в Ро-

¹³⁸ Житие Сергия Радонежского. С. 281.

¹³⁹ Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1: XI-XII вв. С. 376.

стовъстѣй области, боляринъ сый, единъ от славных и нарочитых боляръ, богатством многим изъобилуя, но напоследъ на старость обнища и оскудъ».¹⁴⁰

О том, что преподобный Феодосий принадлежал к слою древней южнорусской аристократии, указывают слова матери Феодосия в сочинении инока Нестора: «Мати же его оставляше ѿ, не велящи ему тако творити, моляше ѿ паки облачитися въ одежду свѣтлу и тако исходити ему съ съвѣръстѣныи своими на игры. Глаголаше бо ему, яко «такъ ходя, укоризну себе и роду своему твориши».¹⁴¹ Кроме того, об этом свидетельствует и следующий эпизод: «Таче, яко ишъдѣшемъ дѣньмъ мѣногѣмъ и бывѣшю дѣни праздничну, мати его начатъ вельти ему облещися въ одежду свѣтлу на служение въсѣмъ бо града (прим. – Курска) того вельможамъ, въ тѣ дѣнь възлежашемъ на объдѣ у властелина».¹⁴² Несбывшиеся ожидания матери Феодосия и стремления самого отрока к Богу, в итоге выливаются ключевой сюжетом жития о покаянии, который Нестор выразил посредством конфликта матери и сына.

В Пространной редакции жития Сергия Радонежского и в Житии Стефана Пермского указано имя матери святого, и в обоих случаях это имя Мария. Приведем эпизод с указанием имени матери Стефана Пермского: «Сий преподобный отецъ нашъ Стефанъ бѣ убо родомъ русинъ, отъ языка словенска <...>: сынъ нѣкоего христороубца, мужа вѣрна, христиана, именемъ Симеона, <...> и отъ матере, такоже крестяны, нарицаемыя Мариа».¹⁴³ Подобное совпадение едва ли возможно объяснить, однако, по нашему мнению, Епифаний Премудрый мог и не знать имен матерей святых, о которых создавал жития, и поэтому воспроизвел вместо них имя Богоматери. Подобная трактовка может быть вполне правдоподобной, поскольку имя Богоматери могло служить то-

¹⁴⁰ Житие Сергия Радонежского. С. 290.

¹⁴¹ Житие Феодосия Печерского. С. 378.

¹⁴² Там же. С. 380.

¹⁴³ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием. С. 139.

посом-отсылкой к новоозаветным эпизодам, тем самым агиограф уподоблял преподобного и святителя Христу (принцип «imitatio Christi»), явив в своем произведении образ матери будущего преподобного и святителя через призму образа Девы Марии.

Происхождение Сергия Радонежского проясняется в Житие Феодора Симоновского – ученика Троицкого игумена, и, что ещё более примечательно – его племянника, что лишний раз свидетельствует о том, что преподобный Сергей происходил из числа ростовского боярства. Приведем этот пример параллельно с эпизодами о происхождении из житий учеников Сергия Радонежского:

Житие Феодора Симоновского	Житие Павла Обнорского	Житие Саввы Сторожевского
«Святый Феодоръ <...> происходил из того знаменитаого своим благочестиемъ рода, къ которому принадлежалъ великий подвижникъ и молитвенник <...> Сергей Радонежский. Святитель Ростовский Феодор былъ родной племянникъ преподобнаго Сергия, сынъ его старшего брата Стефана». ¹⁴⁴	«Съй убо пре- подобный отец наш Павел родился от благоверных и благочестивых родителей <...>». ¹⁴⁵	«Мы же о рождении и о възпитании его не обретохомъ, токмо о пребывании его въ мнишествеъ изыскавше, въкратць напасахомъ Емо начало сице». ¹⁴⁶

¹⁴⁴ Житие святого отца нашего Феодора, архиепископа Ростовского Великого // Святитель Димитрий Ростовский. Жития святых. Киев, 2007. Т. 3. Ноябрь. С. 793.

¹⁴⁵ Житие Павла Обнорского // Великие Мении Четии // Памятники славяно-русской письменности. М., 1914. Январь. Т.2. Дни 6-11. С. 53.

¹⁴⁶ Житие Саввы Сторожевского // Великие Мении Четии // Памятники славяно-русской письменности. М., 1901. Декабрь. Дни 1-5. С. 44.

В житии другого ученика преподобного Сергия – Павла Обнорского, присутствует указание лишь на «благоверность», «благочестие» и «преименитость» родителей, а описание родителей в житии Саввы Сторожевского отсутствует.

О знатности происхождения преподобного Кирилла пишет Пахомий Логофет в житии, посвященном святому, указывая не только на «благочестивых» родителей, но и на одно обстоятельство: Козьма (крестильное имя преподобного Кирилла) был ближайшим родственником («сродником») окольничему великого князя Дмитрия Ивановича: «Съй убо преподобный отець нашъ Кирииль родися от благочестиву и христиану родителю. <...> того же предиреченнаго Козму, сына своего, предавше сроднику своему Тимофью именем. Бяше бо тый предиреченный Тимофей околничий у великого князя Дмитрея, богатствомъ и честию паче инъх превосходя тогда, сему бо яко сроднику своему вручает сына своего, еже пещися и промышляти яже о нем. <...>».¹⁴⁷

В средневековых русских женских житиях происхождение преподобных представлено в виде кратких родословных по мужской линии. Сравним представленные отрывки из Жития Евфросинии Полоцкой и Евфросинии Суздальской:

Житие Евфросинии Полоцкой

«Бысть князь в Полоцку именем Всеслав, сынъ Брячиславов, внук Изяславов, правнук блаженнаго и равноапостолнаго Владимира. Той

Житие Евфросинии Суздальской

«Бъ в Чернигове преименитем граде нъкто благовѣрныи великии князь Михаил, сынъ Всеволодовъ, внук же Святослава Олговичя, Олег

¹⁴⁷ Житие Кирилла Белозерского. С. 138.

же Всеслав имяше сыны многи. И бьяше у него сынъ менший именем Георгий, от негоже родися сии блаженная отроковица».¹⁴⁸

же сынъ Святославль, внук же великаго князя Ярослава Владимировича, иже крестившаго Русскую землю. Сеи убо великии князь Михаилъ, ещё млад имья возрастъ, но тепль сыи вьрою Богу <...> всякия добродьтели исправиста».¹⁴⁹

Обе преподобные принадлежат к полоцкой и черниговской княжеским ветвям династии Рюриковичей. Топика «добродетельных и благородных родителей» также находит отражение в их житиях.

Показательным примером того, что «родительская топика» в преподобнических житиях в средневековой русской агиографической традиции инспирирована общехристианской традицией, являются примеры из разных региональных ветвей: западноевропейской и византийской. Приведем эти примеры:

Житие святого Бенедикта	Житие святой Радегунды	Житие Евфросинии Александрийской
«Онъ оставил <...> большое богатство своихъ, тогда уже умершихъ, родителей <...>». ¹⁵⁰	«Итак, благословенная Радегунда, из племени варваров в Тюрингии, чьим дедом был Безин, дядей по	«Въ городъ Александрии жилъ нькогда мужъ по имени Пафнутий. Онъ был богатъ, славень, пользовался

¹⁴⁸ Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии, игумении (монастыря) Спаса-Вседержителя (...) в граде Полоцке // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. 12: XVI век. С. 392.

¹⁴⁹ Житие Евфросинии Суздальской. С. 378.

¹⁵⁰ Житие преподобного отца нашего Бенедикта // Святитель Димитрий Ростовский. Жития святых. Киев, 2007. Т. 7. Март. С. 293.

<p>отцу Герменефред, а отцом – король Бертахар, была самого высшего земного ранга».¹⁵¹</p>	<p>почестью, боялся Бога, хранил Заповеди Господни и велъ богоугодную жизнь. Супруга его также была женщина добрая, благочестивая, богобоязненная».¹⁵²</p>
---	---

В житии Бенедикта Нурсийского сведения о родителях преподобного отсутствуют, хотя и присутствует указание на состоятельность его семейства. В житии святой Раденгунды мы видим пример родословной по мужской линии, а в житии Евфросинии Александрийской присутствует самое распространенное описание родителей (из которых по имени, опять же, назван только отец, но не мать) как «богоугодных, благочестивых и богобоязненных».

Объяснений об этом в преподобнических житиях мы практически не встречаем, однако Елифаний Премудрый комментирует благочестивость и добродетельность родителей преподобного Сергия следующим образом: «Понеже льпо бяше ему от Бога дароватися многим людем на успѣх, на спасение же и на плъзу, и того ради не бѣ льпо такому дѣтищу от неправедных родитися родителей, ниже иным, сирѣчь неправеднымъ родителем таковаго не бѣ льпо родити дѣтища. Но токмо тѣмъ единѣмъ от Бога даровася, еже и прилучися: паче и снисдеся добро къ добру и лучьшее къ лучьшему»,¹⁵³ то есть, по мнению агиографа иначе просто и не могло быть.

¹⁵¹ Венанций Фортунат. Житие святой Радегунды // Бикеева Н.Ю. Образ королевы-монахини в агиографическом сочинении Венанция Фортуната // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. № 20. 2012. С. 187

¹⁵² Житие преподобной нашей матери Евфросинии // Святитель Димитрий Ростовский. Жития святых. Киев, 2007. Т.1. Сентябрь. С. 497.

¹⁵³ Житие Сергия Радонежского. С. 281.

По нашему предположению, причинами данного объяснения Епифания Премудрого послужил новозаветный образ Святого семейства, посредством которого определяется и сущностная сторона благочестия семьи (в том числе и её знатность, если учитывать, что Иисус являлся дальним потомком ветхозаветных патриархов и правителей, о чем свидетельствуют евангелисты Лука и Матфей)¹⁵⁴, в которой рождается будущий подвижник, о чем говорит также наше предположение о том, что образ матери преподобного Сергия агиограф интерпретировал посредством образа Богоматери. Таким образом, свои агиологические представления Епифаний Премудрый приводит в качестве объяснения высоких духовных качеств родителей преподобного, поскольку, по мнению инока, от других родителей будущий святой вряд ли мог бы появиться на свет.

Интересно и то, что среди исследуемых нами агиографических произведений, только в трех представлен эпизод о чудесных обстоятельствах рождения святых: в Житии Сергия Радонежского, в Житии Евфросинии Суздальской и в византийском Житии Евфросинии Александрийской. Приведем эпизоды о чудесных обстоятельствах рождения святых:

Пространная редакция Жития Сергия Радонежского	Житие Евфросинии Суздальской	Житие Евфросинии Александрийской
«И бысть же и чудо нкое прежде рождения его <...> И стояще с прочими женами въ притворъ, и вегда хотяху начати	«Бьяста же не плоды (прим. – родители) и часто хожаста къ Пресятеи Богородицы в Печерский монастырь, иже в Киеве <...> мо-	«Одно лишь ихъ (прим. – родителей) тяготило: у нихъ не было дътей. <...> Печалась о безчадии своемъ, они непрестанно молили

¹⁵⁴ Лк.3:23-38; Мф. 1:1-17.

<p>чести святое Евангелие, людем мльчащим, тогда абие внезапу младе- нець начят въпити въ утробъ матернъ <...>». ¹⁵⁵</p>	<p>лящихся Пресвятеи Бо- городицы и великымъ отцем Антонию и Фео- досию со многыми сле- зами, требоваста от всея душа роженни плод да- ровати им. <...>». ¹⁵⁶</p>	<p>Господа, чтобы Онъ да- роваль им дѣтище, по- давали щедрую мило- стынню убогимъ, разда- вали много въ церкви и монастыри, кроме того, пребывали въ постъ и молитвах, обходили храмы Божии и просили Бога объ исполнении ихъ желанія». ¹⁵⁷</p>
---	--	---

В эпизоде о чудесном знамении, предвосхищающим рождение будущего преподобного Сергия: во время литургической службы младенец в утробе матери восклицает, агиограф вводит образ Святой Троицы, которой будет посвящено его прижизненное и посмертное служение: «Еже пѣти херувим-скую пѣснь, рекше: «Иже херувимъ», тогда внезапу младенець гласомъ начя велми верещати въ утробъ вторицею паче прьваго <...> Вънегда же иерѣй възгласи: «Вѣнмѣмъ, святаа святым!»», тогда паки младенець третицею велми възопи <...>». ¹⁵⁸

Вследствие проявления Божества через нарождённого младенца, родители дают обет посвятить того Богу: «И съвъщаша с мужемъ своим, глаголя яко: «Аще будет ражаемое мужьскъ полъ, общаевься принести его въ цер-ковь и дати его благодетелю всѣх Богу»; якоже и бысть». ¹⁵⁹ Епифаний под-крепляет этот сюжет прямой метафорой с ветхозаветным эпизодом: «Яко и

¹⁵⁵ Житие Сергия Радонежского. С. 281.

¹⁵⁶ Житие Евфросинии Суздальской. С. 378-380.

¹⁵⁷ Житие преподобной нашей матери Евфросинии. С. 497.

¹⁵⁸ Житие Сергия Радонежского. С. 281.

¹⁵⁹ Там же. С.282.

преже рожества его общастася привести его и вдати благых подателю Богу, якоже древле Анна пророчица, мати Самоиля пророка»¹⁶⁰, тем самым, по нашему мнению, развивая мотив Святого семейства.

Подобный сюжет находит отражение и в Житии Евфросинии Суздальской (кон. 60-х – нач. 70-х гг. XVI вв.),¹⁶¹ и сопровождается пространным рассказом о чудесном, трехкратном явлении Богоматери родителям будущей святой: «И въ едину от нощи видъста Пресвятую Богородицу радостнъ к ним глаголюща: «Дерзаите, дерзаите, и молитесь, прията бо есть молитва ваша, и вама буди знамение, примите благоухание и покадите весь дом свои». <...> Времени же нькоему по сем чюдеси пришедшу, въ едину от нощи паки предста им Святаа Богородица, вдаючи има яко голубицу на руку зело красну. <...> И паки Пресвятая Богородица съ святыми отцы Антонием и Феодосиемъ третицею явися им глаголющи: «Идете в дом свои и абие зачнете дщерь и наречете имя ей Феодулия. Подобае же вама со всяким страхом хранити сия, сосуд бо честен будетъ Святому Духу и Царицине церкви, иже Влахерне ризы Ея положение...»,¹⁶² что, с одной стороны, объединяет этот сюжет с эпизодом чудесного знамения в Житии Сергия Радонежского, и с аналогичным эпизодом из византийского Жития Евфросинии Александрийской.

По нашему мнению, подобная топика в житиях в целом, является достаточно редкой. Связь трех житий: Сергия Радонежского, Евфросинии Суздальской и византийского Жития Евфросинии Александрийской, можно объяснить тем, что на агиографа, составлявшего Житие Евфросинии Суздальской оказала влияние как агиографическая традиция, основоположниками которой являлись Елифаный Премудрый (даже с учетом того, что создание Пространной редакции преподобного Сергия датируется 20-ми гг. XVI в.) и

¹⁶⁰ Житие Сергия Радонежского. С. 282.

¹⁶¹ См. подробнее: Клосс Б.М. Избранные труды. М., Т.2. Очерки по истории русской агиографии XIV – XVI вв. С.374-377.

¹⁶² Житие Евфросинии Суздальской. С. 379.

Пахомий Логофет. Эту связь, а именно влияние Жития Сергия Радонежского на Житие Евфросинии Суздальской, также отмечал и Б.М. Клосс.¹⁶³ Связь же с византийским житийным памятником (созданным в X в. агиографом Симеоном Метафрастом), посвященным Евфросинии Александрийской объясняется, во многом, тем, что византийская подвижница является тезоименной святой ряду русских средневековых преподобных жен (той же Евфросинии Суздальской и Евфросинии Полоцкой). Соответственно, один из агиографов Евфросинии Суздальской (инок Григорий)¹⁶⁴, составлявший посвященное ей житие, был знаком и с переводным византийским памятником и, вероятно, ориентировался, среди всех прочих источников, в том числе на него. О влиянии Пространной редакции Жития Сергия Радонежского на инока Григория также свидетельствует употребление топики «младенческого постничества», которая в агиографических произведениях встречается нечасто. Приведем соответствующие эпизоды из Жития Сергия Радонежского и Жития Евфросинии Суздальской:

**Пространная редакция
Жития Сергия Радонежского**

«По рожении же его, внегда и пеленами повито бысть отрочя, нужда всяко быше еже и к сосцу принести. Да внегда аще случяшеся матери его пищу нъкую вкусити еже от мяс, и тою насыщенъ быти и полнъ утробъ ея, тогда никакоже младенець съсцу касашеся. И сие случашеся не

**Житие Евфросинии
Суздальской**

«Егда же случашеся доилице ея вкусити мясь, не приемляше дътищъ млека ея, но бес пища пребываше весь день. Разумьста же родителя ея, заповьдаста доилицы его не причаститися мясь, поне же

¹⁶³ Клосс Б.М. Избранные труды. М., 2001. Т. 2 Очерки по истории русской агиографии XIV – XVI вв. С. 374.

¹⁶⁴ Там же.

единою бывати, но овогда день, овогда два младенцу не напитаются. <...> И едва разумьша, яко не хочет младенец еже от мяс питаемь питателнице его быти тьмь млеком напаятися, но точию от поста и не раздрьшатися. И уже оттоль пища матерня въздрьжание и постъ бяше, и оттоль младенец повсегда по обычаю питаемь бываше». ¹⁶⁵

бысть благоволение се Божие и Того всенепорочныя Матере. Отдоену же бывшую дьтищу и егда приимати ему пищу, даяста ему хльб и соль и мало овоща и воду на питие». ¹⁶⁶

Елифаний Премудрый после повествования о чудесах, предшествующих рождению преподобного, приводит несколько обширных блоков-примеров ¹⁶⁷ подобных чудес в Священном Писании и в раннехристианской агиографической литературе. Так, возгласение младенца в утробе матери подкрепляется агиографом эпизодом из Нового Завета: «Святой же великий Иоан пророкъ Предтеча еще сый въ утробь матери позна Господа, носимаго въ ложеснъх пречистыя приснодевы Мариа; и възыгрался младенец радощами въ чревь матери своея Елисавети, и тоя устнами пророчествова. И възопи тогда, глаголя: «Откуда се мнѣ, да прииде мати Господа моего къ мнѣ?»», ¹⁶⁸ интерпретируя, тем самым, события своего произведения посредством подобного примера из новозаветной истории Святого семейства.

Примеров ведений родителям ещё не рожденных будущих святых агиограф также приводит достаточно много. Обратим внимание на один из них – рассказ о видениях родителям преподобного Алимпия Столпника (ум. VII в.): «Преподобный Алимпий стлпникъ, преже рожества его мати его видь сонъ таковой, яко ношаше на руку своею агнецъ красенъ, имущь на рогу своею свьща. И от того разумь, яко хочет родитися отроча и будет добро-

¹⁶⁵ Житие Сергия Радонежского. С. 282.

¹⁶⁶ Житие Евфросинии Суздальской. С. 380.

¹⁶⁷ Житие Сергия Радонежского. С. 285-286.

¹⁶⁸ Там же. С. 285.

нравно; якоже и бысть».¹⁶⁹ Структуру подобного видения родителям мы могли видеть в представленном выше примере в житии Евфросинии Суздальской.

Наконец, агиограф достаточно пространно рассуждает и объясняет, почему ряд чудес и явлений имеют троичную структуру¹⁷⁰: «Паки ему достоит чудитися, что ради не провъзгласи единицею или дважды, но паче третицею, яко да явится ученикъ Святыя Троица, понеже убо тричисленное число паче инъх прочих числь болши есть зъло чтомо. Вездь бо троечисленное число всему добру начало»¹⁷¹, подкрепляя свои рассуждения многочисленными примерами из Священного Писания.

На наш взгляд, раскрывая сущностную сторону событий, описанных в собственном произведении и дополняя образ будущего преподобного, указывая на то, что подобные события уже совершались в ходе Священной истории, о чем, пишет и сам Епифаний Премудрый: «Воле, не указание ли се будет явъ, яже о том послъди будущаа дивна и странна! Воле, не знамение ли се есть истовое, до покажется, яже о нем да збудеться дълесы чудесными напоследокъ!».¹⁷²

Подобные «лирические отступления», несмотря на то, что прерывают повествование основной части, являются для агиографа очень важными местами в своем произведении, поскольку позволяют максимально полно и глубоко раскрыть тему Божественного предопределения на земном пути святого как человека, уже при жизни своим подвижничеством достигнувшего Царства небесного, а следовательно, в подобных местах, по нашему мнению, достаточно полно и обширно представлен агиологический аспект агиографического произведения.

¹⁶⁹ Житие Сергия Радонежского. С. 285.

¹⁷⁰ Кириллин В.М. Символика чисел Древней Руси (XI–XVI века). СПб., 2000. С. 142-146.

¹⁷¹ Житие Сергия Радонежского. С. 284.

¹⁷² Там же. С. 285.

2.2. Топика детства и юности

Данная топика включает в себя наиболее типичные черты, которые агиографы используют для описания ранних периодов жизни и подвижничества святых. К некоторым из этих топосов относятся отчуждение святого от занятий, присущих его сверстникам и обучение грамоте. Сравним эти фрагменты:

Пространная редакция Жития Сергия Радонежского	Житие Стефана Пермского	Житие Феодосия Печерского
<p>«Сий предобрый и вседоблий отрок нъ по колицъх врѣменех пребываше в дому родителей своих, възрастая и преуспѣваа въ страхъ Божий: къ дѣтемъ играющимъ не исхожаше и к нимъ не приставаше; иже в пустошь текущимъ и всуе тружающимъ не внимаше; иже суть сквернословци и смѣхотворци, с тѣми отнудь не водворяшешя».¹⁷³</p>	<p>«И бысть отрокъ доброразумичень зило, успеваше же разумомъ душевнымъ, и верстою телеси, и благодатию. К дѣтемъ играющимъ не приставаше, иже в пустошь текущимъ и всуе тружающимъ и тщетная гонящимъ не внимаше, ни водворяшешя с ними, но от всѣхъ дѣтскихъ обычаевъ и нравъ и игръ отвращашешя <...>».¹⁷⁴</p>	<p>«Еще же и къ дѣтѣмъ играющимъ не приближашешя, якоже обычай есть унымъ, нъ и гнушашешя играмъ ихъ. Одежа же его бѣ худа и сплатана. О семь же многашьды родителема его нудящема ѿ облещешя въ одежду чисту и на игры съ дѣтѣми изити. Онъ же о семь не послушааше ея, нъ паче изволи быти яко единъ от убогихъ. <...>».¹⁷⁵</p>

¹⁷³ Житие Сергия Радонежского. С. 290.

¹⁷⁴ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием. С. 139.

¹⁷⁵ Житие Феодосия Печерского. С. 377.

Подобная топика также обнаруживается в житии ученика преподобного Сергия – Павла Обнорского: «Игры же или смехотворные словеса, якоже обычай есть юным, нанавидяше, и сладких брашен <...> не ядаше, и всех тленных мира сего весьма невзлюби, яко суетна и ничтоже <...>». ¹⁷⁶

По нашему мнению, через подобные топосы агиографы раскрывают инаковость будущих святых к небесному миру посредством мотива противопоставления земного мира горнему. Поэтому поведение святых в ранние годы жизни описывается не как некая норма, в принципе присущая людям, а как нечто экстраординарное, посему и непонятное и даже чуждое, как для их сверстников, так и – в большей степени, для их родителей. Зачастую агиографы указывают на то, что источник подобного поведения святых кроется в особой предопределенности будущих святых, а подобные описания детства и юности святых (и особенно – преподобных) являются своеобразным зачином, из которого будет проистекать одна из важных сюжетных составляющих житийного произведения - это конфликт между святым и его родителями (ближайшими родственниками).

Достаточно типична подобная топика и для ранней западнохристианской агиографической традиции. Приведем примеры из жития Бенедикта Нурсийского и жития святой Радегунды:

Житие Бенедикта Нурсийского

«Но видя въ этихъ языческихъ школахъ множество развращенныхъ, - как они живутъ по своимъ страстнымъ похотямъ, - он удалился оттуда, <...>». ¹⁷⁷

Житие святой Радегунды

«В беседах с другими детьми она часто говорила о своем желании стать мученицей, если ей представится такая возможность. <...> Неся впереди себя деревянный крест, она

¹⁷⁶ Житие Павла Обнорского. С. 55.

¹⁷⁷ Житие преподобного отца нашего Бенедикта. С. 292.

и дети, следовавшие за ней, с пением псалмов торжественно, как взрослые, шествовали к часовне. <...>».¹⁷⁸

Описание в житие Бенедикта Нурсийского имеет определенное сходство с русскими средневековыми житиями.

Житие святой Радегунды, в плане топики отношения со сверстниками, очень яркое и насыщенное. Венанций Фортунат постарался создать очень красочно описание посвященности будущей святой Богу. Для русской средневековой женской агиографии подобные описания, скорее, не характерны. Подробные пространные описания именно детства и юности, как правило, отсутствуют, за исключением сюжета об обучении грамоте – также одного из самых распространённых топосов детства и юности в агиографической литературе. Обратимся к данной топике в житиях святых:

Житие Феодосия Печерского	Житие Евфросинии Полоцкой	Житие Евфросинии Александрийской
<p>«И хожаше по вся дни въ църкъвь Божию, послушая божьствьныхъ книгъ съ всьмь вниманиемъ. <...> Къ симъ же и датися веля на учение божьствьныхъ книгъ <...> И въскорь извыче вся граматикия, и якоже</p>	<p>«Случи же ся дъвицы сей ученнь быти книжному писанию, еще не достигши ей въ совершенъ возрастъ телеснаго естества, иже молитвы плод. И толма бысть любящи учение, якоже чюдитися отцу ея</p>	<p><...> Пафнутий же, какъ и прежде, продолжалъ поучать дочь свою Божественному Писанию. Навыкнувъ в немъ, отроковица преда- лась усердному чтению священныхъ</p>

¹⁷⁸ Житие святой Радегунды. С. 189.

всѣмъ чюдитися о пре- мудрости и разумъ дѣтища и о скорѣмъ его учении». ¹⁷⁹	о толицей любви учению ея». ¹⁸⁰	книгъ». ¹⁸¹
---	---	------------------------

Сущность данного топоса состоит в том, что святые обучаются грамоте, изучению богослужебных книг и письму, и данное обучение дается им легко, что вкупе с их телесной красотой делает их, по замыслу агиографа, гармонично развитыми людьми, хотя их предназначение не в служении земному миру, но миру небесному. Как правило, людьми, обучающими будущих святых грамоте, являются их ближайшие родственники, прежде всего – отцы. Дополним вышеприведенные примеры топики аналогичным эпизодом из жизни Евфросинии Суздальской: «Благочестивыи же великыи князь Михаил, отецъ ея, пребысть уча ю книгам и прочим премудростем; недостаточная же проучаше еи болярин его Феодор, <...> яже чюдитися родителема ея о толице любви учении ея; чюдижеса и благовърныи болярин его Феодоръ о скором поучении еа и премудрости»¹⁸².

В ранних западноевропейских агиографических произведениях, данная топка также присутствует. Приведем примеры из Жития Бенедикта Нурсийского и Жития святой Радегунды:

**Житие
Бенедикта Нурсийского**

**Житие
святой Радегунды**

¹⁷⁹ Житие Феодосия Печерского. С. 377.

¹⁸⁰ Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии, игумении (монастыря) Спаса-Вседержителя (...) в граде Полоцке. С. 382.

¹⁸¹ Житие преподобной нашей матери Евфросинии. С. 498.

¹⁸² Житие Евфросинии Суздальской. С. 382.

«<...> Свѣтскія науки того времени он сталъ изучать въ Римѣ. <...> как бы изъ-за малаго книжнаго обучения не погубить великаго разума своей души <...> И такъ, он вышелъ изъ школъ ненаученнымъ мудрецом и разумнымъ невѣждой и презрѣлъ внѣшнее любомудрие, дабы сохранить внутреннее цѣломудрие».¹⁸³

«Эта девушка, среди прочихъ занятий, подобающимъ еѣ полу, обучалась письму».¹⁸⁴

Представленный эпизод из Житія преподобнаго Бенедикта поднимает и одну очень заметную тему в агиографической литературѣ: противопоставление свѣтскимъ наукамъ и духовнаго разума человека (в рамкахъ противопоставления земнаго мира небесному). Какъ мы видели выше, подобный мотивъ свойствененъ и средневековымъ русскимъ книжникамъ в своихъ предисловіяхъ. В рамкахъ оппозиціи «земное» и «небесное» в предисловіяхъ присутствуютъ и другіе оппозиціонныя пары, восходящія в этой: «забвение» (утрачиваніе памяти о святомъ в земномъ мирѣ) и «вечность» (такъ какъ сохраненіе памяти о святомъ – есть духовная обязанность и подвигъ агиографа, поскольку при прославленіи угодниковъ Божиихъ прославляется и самъ Бог); «свѣтская хитрость» и «духовный разумъ».

Эту, крайне важную часть агиологическихъ представленийъ Епифанія Премудраго следуетъ учесть, обращаясь къ эпизоду о наученіи грамотѣ отрока Варфоломея (будущаго Сергія Радонежскаго) в житійномъ сочиненіи, ему посвященномъ.

¹⁸³ Житіе преподобнаго отца нашего Бенедикта. С. 293.

¹⁸⁴ Житіе святой Радегунды. С. 189.

В данном случае мы имеем дело с редким, практически маргинальным, примером подобной топики: будущий святой не может постичь грамоту. Приведем данный эпизод жития преподобного Сергия: «<...> Въ егда родители его въдаша его грамоту учити. <...> сему же отроку (прим. – Варфоломею) не скоро выкнуща писанию, но медлено нъкако и не прильжно. Учитель же его съ многым прилежаниемъ учаше его, но отрокъ не внимаше и не умъяше, не точень бысть дружинъ своей, учащимся с нимъ. О семъ убо много бранимъ бываше от родителю своею, боль же от учителя томим, а от дружины укараем. Отрокъ же втайнъ чясто съ слъзами моляшеся Богу, глаголя: «Господи! Ты дай же ми грамоту сию, ты научи мя и въразуми мя».¹⁸⁵

Научению грамоте отрока Варфоломея посвящена целая глава в сочинении Епифания Премудрого с характерным заголовком «Яко от Бога дасться ему книжный разумъ, а не от человекъ»,¹⁸⁶ и представляет собой повествование о встрече отрока с неким иноком (ангелом): «Обръте етера черноризца, старца свята, странна и незнаема, саномъ прозвитера, святольпна и аггеловидна»,¹⁸⁷ который дарует отроку возможность учения грамоте, и раскрывает родителям сущность происходивших с отроком знамений: «И второе же знамение вам и извъщение, — яко отроча се будет велик пред Богом и человеки, житиа ради добродѣтелнаго». <...> «Сынъ ваю имать быти обитель Святыя Троица и многы приведет въслѣд себъ на разумъ божественныхъ заповѣдей».¹⁸⁸ Таким образом, подобный топос, как нам представляется, вводится Епифанием Премудрым для утверждения присутствия высших сил в жизни будущего подвижника и, в той или иной степени, определяя дальнейшее повествование, и предоставляя, при этом, достаточно редкий пример агиографической топики.

¹⁸⁵ Житие Сергия Радонежского. С. 286.

¹⁸⁶ Там же. С. 287.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же. С. 288.

2.3. Пострижение и имянаречение

Пострижение в «ангельский образ» и следующая за ним смена крестильного или данного при рождении «языческого» имени также является наиболее типичной составляющей агиографических преподобнических произведений. Это значимая веха в жизни будущих подвижников, которая знаменует собой ритуальный разрыв с миром и всецелое посвящение будущего святого своему подвигу – служению Богу, осуществлению божественного замысла, который реализует будущий прославленный подвижник. Данная сюжетная составляющая, в той или иной степени, глубоко и полно описывается агиографами при создании образа преподобных, и, кроме того, содержит материал, необходимый для изучения проблематики иноческого имянаречения в рамках русской средневековой традиции – в частности, так и в общехристианской – в целом. Рассмотрим эпизоды пострижения и имянаречения преподобных более подробно:

Пространная редакция Жития Сергия Радонежского	Житие Феодосия Печерского
«<...> Игумен (прим. – Митрофан) же незамедлено вниде въ церковь и постриже и въ аггельский образ, месяца октовриа въ 7 день, на память святых мученикъ Сергия и Вакха. И наречено бысть имя его въ мнишеском чину Сергий: Бъ же святой тогда възрастом 23 лѣта, егда приять иночьский образ. Церковь же, юже по-	«<...> Таче благослови ѿ старьць и повель великому Никону остръщи ѿ, прозвутеру тому суцю и чърноризьцю искусьну, иже и поимъ блаженнаго Феодосиа и по обычаю святыхъ отьць остригы и облече ѿ въ мнишьскую одежду.

минаю, юже сам тѣй Сергий създа и нарече | <...>». ¹⁹⁰
ю въ имя Святыя Троица, в тѣй церкви
прежереченный онъ игумень с постриже-
нием купно тогда сверши и божественую
литургию. <...>». ¹⁸⁹

При пострижении в монахи, посвященный изменял свое мирское (языческое или крестильное) имя на монашеское, что имело глубокий смысл как ритуал отчуждения от мирской жизни и посвящение в своеобразное «ангельское» инобытие. Имянаречение Сергия сам агиограф – инок Епифаний, комментирует следующим образом: «бысть имя его въ мнишеском чину Сергий: тако бо тогда нарицаху сплоха имена (прим. – то есть. «неправильно»), не съ имени, но вън же день, аще котораго святого память прилучашеся, в то имя прорицаху постригающемуся имя». ¹⁹¹ На этот же эпизод в своем исследовании, посвященному истории монашеского имянаречения ссылаются и исследователи Успенский Б.А. и Успенский Ф.Б., объясняя выбор имени игуменом Митрофаном при именовании инока Сергия таким образом: «Если бы принималось во внимание мирское имя постригаемого (как это стало обычным впоследствии), Варфоломей мог бы получить в монашестве имя Вакх: это имя отвечало бы как традиции давать иноческое имя по святым (по имени святого, приходящегося на день пострига), так и традиции называть монаха по созвучию с мирским именем. Этого не произошло — очевидно, потому, что эта последняя традиция была попросту неизвестна постригающему Сергия игумену Митрофану». ¹⁹² Традиция монашеского имянаречения по мирскому имени, как предполагают исследователи, складывается к началу XV

¹⁸⁹ Житие Сергия Радонежского. С. 295.

¹⁹⁰ Житие Феодосия Печерского. С. 380-381.

¹⁹¹ Там же. С. 276-358.

¹⁹² Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. Иноческие имена на Руси. М; СПб., 2017. С. 102.

вв.,¹⁹³ что также соответствует созданию текста жития, посвященному преподобному Сергию, иноком Епифанием (10-е гг. XV в.).

Касательно монашеского имянаречения Феодосия существуют два объяснения: во-первых, Феодосий сохранил при пострижении свое крестильное имя, о чем пишет и Нестор в своем житии в эпизоде крещения отрока Феодосия: «Прозвутерь же, видѣвъ дѣтища и сѣрьдѣчьныма очима прозьря, еже о немь, яко хочеть измлада Богу датися, Феодосиємь того нарицаеть».¹⁹⁴ Во-вторых, Феодосий принял постриг вопреки воли матери, конфликту святого с которой в житии посвящен отдельный пространственный эпизод.¹⁹⁵

В исследуемых нами преподобнических агиографических памятниках сохранение мирского имени при пострижении в монашеский чин присутствует также в раннехристианских житийных произведениях. Сравним:

Житие Евфросинии Александрийской	Житие Бенедикта Нурсийского	Житие святой Радегунды
<p>«Затѣм онѣ (прим.— игумен) спросилъ, — какъ её зовутъ. Евфросиния отвѣчала, что имя ея — Измарагдъ.</p> <p>— Чадѣ Измарагдъ, — сказал ей настоятель, — ты молодъ и потому не можешь жить одинъ в келлии; тебе нужно имѣть ду-</p>	<p>«Романъ въ пустынь облекъ блаженнаго Венедикта въ иноческий чин и, найдя в одной глубокой дебри, на мѣсте весьма неприступном, пещеру, поселилъ его там, пищу же приносилъ ему онѣ из мона-</p>	<p>«<...> Он (прим. — Медард) был поражен этим доводом и, положив руки на неё, посвятил в диакониссы.</p> <p><...> Ибо после того, как она была посвящена Богу св. Медардом и надела покров</p>

¹⁹³ Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. Иноческие имена на Руси. С. 102.

¹⁹⁴ Житие Феодосия Печерского. С. 376-377.

¹⁹⁵ Там же. С. 381-382.

ховнаго наставника, чтобы
онъ руководилъ тобою в
иноческой жизни, научилъ
бы тебя монастырскому
уставу и всѣмъ обычаямъ.
<...>».¹⁹⁶

стыря».¹⁹⁷

монахини <...>».¹⁹⁸

Чем объясняются причины сохранения мирского имени при пострижении преподобного Бенедикта и святой Радегунды – нам не совсем ясно. Предполагаем, что в раннекатолической церкви к концу VI в., не сложилось сколь-либо четкой системы иноческого имянаречения (коль скоро данная традиция на территории средневековых русских земель складывается лишь к началу XV в.).

Случай же с преподобной Евфросинией – несколько иного порядка, и также объясняется экстраординарными причинами её пострижения. Как видно из представленного выше эпизода, Евфросиния вынуждена была скрывать принадлежность к женскому полу, подвизавшись в мужском монастыре под именем Измарагда. Однако, после кончины преподобного (как считала монастырская братия), выяснилось, что святой подвижник был женщиной. Подробности имянаречения Евфросинии в её житии не упоминаются, таким образом, по нашему мнению, крестильное имя Евфросинии сохранилось, и под этим именем она была прославлена впоследствии Церковью.

Под этим же именем (уже в качестве иноческого) прославлены и Евфросиния Полоцкая (мирское имя – Предслава) и Евфросиния Суздальская (мирское имя – Феодулия). В житиях, им посвященных, так описываются события пострига и имянаречения:

¹⁹⁶ Житие преподобной нашей матери Евфросинии. С. 503.

¹⁹⁷ Житие преподобного отца нашего Бенедикта. С. 294.

¹⁹⁸ Житие святой Радегунды. С. 193.

Житие Евфросинии Полоцкой

«И огласивъ ю иереие, остриже ю и нарече имя ей Евфросиния и облече ю в ризы черныя. Благослови ю игумения благословением святых отецъ и рече ей: «Буди, чадо, послѣдствующи преже тебѣ бывшихъ жен, рекше Февронии и Евфроксии, и инѣх множество, яже Христа ради пострадаша, — и Господь Богъ дасть ти побѣду и силу на супротивника нашего диявола». И тако ей рекши, отпусти ю в келию свою».¹⁹⁹

Житие Евфросинии Суздальской

«Видѣв же игумения непреложныи разум отроковицы, рада бывъ своихъ воспомяну откровении, и прият ю по обычаю, и Феодулию проименова Еуфросиною, бѣ бо в тои день месяца септевриа 25, творится память Змарагду преподобныя Еуфросинии Александреискыя. И со слезами великая благодаряше владыку Христа, истиннаго Бога нашего, всегда всѣмъ богато Своя дары подавающа».²⁰⁰

В житии Евфросинии Полоцкой не обнаруживается никаких объяснений по поводу того, по какому принципу было избрано её иноческое имя, в отличие от Жития Евфросинии Суздальской (создано во второй половине XVI в.), где агиограф объясняет то, что имя преподобной избрано по дню пострига – 25 сентября, в день памяти Евфросинии Александрийской. По мнению Успенского Б.А. и Успенского Ф.Б., подобное имянаречение (то есть монашеское имя дается не на первую букву, соответствующую имени до пострижения) в XVI в. требовало от агиографа таких уточнений, коль скоро расходилось со сложившейся к этому времени традицией.²⁰¹

Таким образом, говоря о структурных элементах Жития Сергия Радонежского, следует отметить то, что они, во многом, типичны для агиографи-

¹⁹⁹ Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии, игумении (монастыря) Спаса-Вседержителя (...) в граде Полоцке. С. 393.

²⁰⁰ Житие Евфросинии Суздальской. С. 383.

²⁰¹ См. подробнее: Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. Иноческие имена на Руси. С. 105.

ческих произведений, посвященных преподобных, в целом: рождение (с описанием родителей святого, его легендарное или историчное знатное происхождение); детство и юность, описываемые агиографами на противопоставлении святого миру; имеющий место конфликт святого с его родителями и миром (одна из форм эпизодов, на основе которого в преподобническом житии о подвиге покаяния, совершаемым родителями святого, властителями и мирянами), пострижение, деяния (praxis), совершаемые главным героем жития (чудесные исцеления, противостояние дьявольским силам, помощь страждущим, и так далее – темы и сюжеты прижизненных деяний святых достаточно сюжетно разнообразны и типичны для агиографической литературы в принципе), преставление и посмертные чудеса (miracula), также находящие многообразное выражение. Несмотря на подобную четкую структуру, те или иные структурные элементы жития имеют определенную содержательную вариативность: повествования об исторических реалиях, на фоне которых происходит действие постижения святости подвижником; исторические события, в которых святой участвует; разнообразие в плане топики реализации того или иного сюжета жития, и, посему, могут быть уникальны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги исследования. Говоря об истории создания Жития Сергия Радонежского и его редакций, необходимо учитывать, в том числе и биографии первых агиографов святого – Епифания Премудрого и Пахомия Логофета, которые, по большей части, описываются в созданных ими произведениях. Эти сведения помогают определить ход работы по составлению агиографического памятника, а также данные о прижизненных деяниях и посмертных чудесах святого, которые могли быть известны агиографам. Не последнее место здесь занимает и индивидуальность каждого из авторов, поразному работавших с источниками о преподобном, и на их основе создававших свои произведения и реализующих в нем свои агиологические представления как о святости в целом, так и о преподобническом её типе – в частности.

В этой связи интересен вывод М.К. Кузьминой о том, что «интертекстуальная система Пространной редакции Жития Сергия Радонежского занимает маргинальную позицию в общеагиографической системе, тогда как пахомиевские редакции являются (в большей части своего текста) прекрасным примером среднестатистической интертекстуальной нормы»,²⁰² что, по нашему мнению, может отнести к Пространной редакции Жития Сергия Радонежского в целом, поскольку уже в предисловии к данной редакции проявляется своеобразие подходов создания жития Епифанием Премудрым, его индивидуальность в выражении как представлений о святости в общем, так и реализации преподобнического типа святости в главном герое произведения – преподобном Сергии, в сравнении с редакциями жития, созданного Пахомием Логофетом.

²⁰² Кузьмина М.К. Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV–XVII вв. М., 2015. С. 599.

Эту разницу возможно объяснить тем, что Пахомий Логофет создавал свои редакции, во многом, под влиянием событий, происходивших в средневековых русских землях в первой половине XV в.: внутрдинастическому конфликту среди потомков великого князя Дмитрия Ивановича Донского за великое княжение; усилению позиций Троицкой обители не только как духовного центра Московской Руси (а о местном, внутримонастырском почитании преподобного Сергия известно уже Епифанию Премудрому, коль скоро отец-основатель и первый игумен Троицкой обители уже при жизни имел духовный авторитет как среди иноческой братии, так и среди светских и церковных властей), но и как влиятельного земельного собственника; игумены-приемники Сергия Радонежского принимают активное участие в отношениях противоборствующих сил, представляющих разные ветви великокняжеской династии. Более того, весомой предпосылкой для канонизации преподобного Сергия являлось обретение нетленных мощей святого во время строительства каменного главного, Троицкого собора обители, опустошенной во время рейда темника Белой Орды Едигея в 1408 г. Но так как закончить свое произведение, посвященному преподобному Сергию, Епифаний не успел и скончался до события обретения мощей, троицкие игумены уже в 30-е -40-е гг. XV в. поручают эту работу появившемуся в Троицкой обители южнославянскому агиографу и стилисту Пахомию Логофету, который в продолжении практически 20 лет создает разные в плане содержания редакции Жития Сергия Радонежского, основанные как на работе Епифания Премудрого, так и на современных ему свидетельствах о посмертных чудесах преподобного, доводя до, практически, точного и выверенного состояния структуру средневекового русского агиографического произведения, посвященного преподобному Сергию, и вероятно, привлекая свой богатый опыт и по составлению других агиографических произведений, созданных им в других пределах Средневековой Руси. Представляется, что именно опыт Пахомия Логофета оказал пер-

востепенное влияние на всю дальнейшую русскую агиографическую традицию.

Полагаем, что всё вышеперечисленное имело влияние на то, как создает автор свое агиографическое произведение, как выражает свои агиологические представления касательно самого понимания святости (Епифаний Премудрый и Пахомий Логофет друг от друга сильно отличаются), и как реализует образ подвижника в общих и частных чертах.

Из общего в этой связи стоит отметить и мотивику моления, которая, например, в произведениях Епифания Премудрого выражена очень подробно и глубоко, а в произведениях Пахомия Логофета она занимает не самое заметное место, и проявляется лишь в конце предисловия. Тем не менее, представления о преподобническом типе святости у двух агиографов, не бывших современниками, совпадают. Оба агиографа акцентируют свое внимание на особом месте святого в мире, в том числе и как посредника между миром земным и небесным; исключительности иноческого подвига и воспроизведением через события в жизни святого событий Священной истории, некоторых примеров топики (благородное происхождение и житие родителей или ближайших родственников святого).

В плане топики преподобнических агиографических произведений, Житие Сергия Радонежского также представляет собой своеобразное «исключение», слабо поддающееся тому, чтобы считаться типичным преподобническим житием хотя бы в рамках средневековой русской агиографической традиции, несмотря на то, что, безусловно, структурно оно соответствует общехристианской традиции создания подобных текстов, но содержательно, при этом, очень богато и многообразно, предоставляя примеры как достаточно редких топосов (как например топос об обучении отрока Варфоломея грамоте), так и практически точных описаний исторических реалий и событий, что подчеркивает, помимо всего прочего, высокую значимость данного памятника как исторического источника.

Подобные примеры «исключений» присутствуют в разных региональных ветвях общехристианской агиографической традиции, особенно это относится, по нашему мнению, к ранним периодам оформления данной традиции, о чем достаточно красноречиво свидетельствуют как византийские женские жития (Житие Евфросии Александрийской, Житие Пелагии Антиохийской, Житие Марии Египетской), так и ранние западноевропейские и древнерусские жития (например, то же Житие Бенедикта Нурского или Житие Феодосия Печерского).

Особая топика пресуца не только какому-либо конкретному житию святого, но и житиям, в которых раскрывается определенный агиологический тип (или лик святости). В житиях святителей (например, в Житии Стефана Пермского авторства Епифания Премудрого) в центре внимания агиографа особая миссионерская и просвятительская миссия главного героя, не взирая на то, что святитель мог быть посвящен в монашеский чин, в то время как центральным эпизодом в преподобнических житиях является именно эпизод пострижения и смены мирского имени подвижника на иноческое, представляющий своеобразный рубеж между жизнью святого в миру и началом преображения подвижника в «ангельский облик», что обуславливает и сама ключевая сущностная составляющая преподобнического агиологического типа – это подвиг монашествующих, иноческое житие, и сопутствующие этому прижизненные деяния преподобного, например, основание им обители и её устройство.

Различна топика и для создания образов святых мужей, и святых жен, в которых по-разному репрезентуются те или иные события и составляющие жизни святых: отношения со сверстниками, с родителями, отношение к браку, события пострижения в монашеский чин, и так далее. В этом плане особенно примечательны женские жития: упоминавшиеся уже Житие Евфросинии Александрийской, а также ранние византийские Житие Пелагии Антиохийской и Житие Марии Египетской и раннесредневековое Житие святой Ра-

дегунды, а также средневековые русские женские житийные произведения, по нашему мнению, основой для которых послужило византийское Житие Евфросинии Александрийской – это жития Евфросинии Полоцкой и Евфросинии Суздальской, воспроизводят несколько отличный от житий святых мужей, тип преподобнической святости, хотя подобные отличия, на наш взгляд, могут относиться лишь к описанию первоначальных периодов жизни святых, включая и события вступления в иноческий чин, в то время как топика, употребляемая агиографами к описанию прежизненных деяний и посмертных чудес святых в качестве иноков достаточно типична (в плане событий: изгнание темных дьявольских сил, исключительность иноческого подвижничества, добродетели смирения и кротости), хотя и имеет определенные различия, вероятно, обуславливаемые особенностями той или иной социо-культурной среды, в которой воспроизводились предания о подвигах святых мужей и жен и социального происхождения подвижника, а также агиологических представлений, общего и различного в этих представлениях о святости мужчин, и святости женщин.

Таким образом, Житие Сергия Радонежского, является как достаточно типичным агиографическим памятником, на литературную историю которого оказали значительное влияние внешние факторы (по крайней мере, в редакциях Пахомия Логофета), хотя и занимающим некое «маргинальное» положение, по крайней мере, в рамках средневековой русской агиографической традиции, что объясняется, по нашему мнению, теми средствами и подходами, с которыми подошел к созданию своих произведений первый агиограф преподобного Сергия – Епифаний Премудрый, чьи произведения представляют, на наш взгляд, особое связующие звено между домонгольской житийной литературой и новыми веяниями в средневековой русской агиографической традиции, оформляющихся в период XV-XVI вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ:

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952. Т. 1. 804 с.
2. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 586 с.
3. Венанций Фортунат. Житие святой Радегунды // Бикеева Н.Ю. Образ королевы-монахини в агиографическом сочинении Венанция Фортуната // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л.П. Репиной. Отв. ред. вып. А.Ю. Серегина. № 20. 2012. С. 187-203.
4. Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии, игумении (монастыря) Спаса-Вседержителя (...) в граде Полоцке // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2003. Т. 12: XVI век. С. 391-403.
5. Житие Евфросинии Суздальской // Клосс Б.М. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 2001. Том 2. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. С. 374-405.
6. Житие и подвиги преподобного отца нашего игумена Никона, ученика блаженного Сергия чудотворца // Библиотека литературы Древней Руси/РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко СПб.: Наука, 2003. Т. 12: XVI век. С. 79-99.
7. Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999.Т.7. Вторая половина XV в. С.133-219.

8. Житие святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского // Святитель Димитрий Ростовский. Жития святых. Киев: Феникс, 2007 (репринт 1906). Т.4. Декабрь. С. 174-211.
9. Житие Павла Обнорского // Великие Мении Четии // Памятники славяно-русской письменности. М.: Синодальная Типография, 1914. Январь. Т.2. Дни 6-11. С. 53 – 77.
10. Житие Саввы Сторожевского // Великие Мении Четии // Памятники славяно-русской письменности. М.: Синодальная Типография, 1901. Декабрь. Дни 1-5. С. 44-53.
11. Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV– середина XV века. С. 276-358.
12. Житие преподобной нашей матери Евфросинии // Святитель Димитрий Ростовский. Жития святых. Киев: Феникс, 2007 (репринт 1906). Т.1. Сентябрь. С. 497-510.
13. Житие преподобного отца нашего Бенедикта // Святитель Димитрий Ростовский. Жития святых. Киев: Феникс, 2007 (репринт 1906). Т. 7. Март. С. 292-314.
14. Житие преподобного отца нашего Феодосия Великого // Святитель Димитрий Ростовский. Жития святых. Киев: Феникс, 2007 (репринт 1906). Т. 5. Январь. С. 310-332.
15. Житие преподобного отца нашего Иоанна Лествичника // Святитель Димитрий Ростовский. Жития святых. Киев: Феникс, 2007 (репринт 1906). Т. 7. Март. С. 594-608.
16. Житие святого отца нашего Феодора, архиепископа Ростовского Великого // Святитель Димитрий Ростовский. Жития святых. Киев: Феникс, 2007 (репринт 1906). Т. 3. Ноябрь. С. 793-801.

17. Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 375-413.
18. Каноническая Библия на современном русском языке, синодальный перевод. М.: Российское Библейское Общество, 2007. 1010 с.
19. Лествица, возводящая на небо, преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы. М.: Издательство «Лествица», 1999. 247 с.
20. Первая Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского // Клосс Б.М. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1998. Том 1. Житие Сергия Радонежского С. 343-377.
21. Полное собрание русских летописей. М.: Знак, 2007. Т. 18. Симеоновская летопись. 328 с.
22. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1965. Т. 9–10. Патриаршая или Никоновская летопись. 242 с.
23. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. 345 с.
24. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 15. Рогожский летописец: Тверской сборник. 435 с.
25. Полное собрание русских летописей. П.: 1922. Т. 15. Вып.1 Рогожский летописец. 216 с.
26. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. Т. 21. Ч. 1. Книга степенная царского родословия. 350 с.
27. Полное собрание русских летописей. М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. 450 с.
28. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 515 с.
29. Святитель Василий Великий. Творения. Т.1: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. М.: Сибирская Благо-

звонница, 2008. 750 с.

30. Святитель Василий Великий. Творения. Т. 2: Аскетические творения. Письма. М.: Сибирская Благовонница, 2009. 1232 с.
31. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием // Библиотека литературы Древней Руси/РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поннырко СПб.: Наука, 2003. Т. 12: XVI век. С. 136-189.
32. Третья Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского // Клосс Б.М. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1998. Том 1. Житие Сергия Радонежского. С. 377-441.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверьянов К.А. Когда родился Сергей Радонежский? // История и культура Ростовской земли, 2003. Ростов, 2004. С. 241-247.
2. Аверьянов К.А. Хронология редакций жития Сергия Радонежского // Славянский альманах. М., 2011. С. 36-45.
3. Берман Б.И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия) // Художественный язык Средневековья; Отв. ред. В.А. Карпушин. М.: Наука, 1982. С.159-184.
4. Бикеева Н.Ю. «Тайный» аскетизм св. Радегунды: конструирование святости в агиографии раннего Средневековья // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Казань, 2016. С. 796-806.
5. Бикеева Н.Ю. Образ королевы-монахини в агиографическом сочинении Венанция Фортуната // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под

- ред. Л.П. Репиной. Отв. ред. вып. А.Ю. Серегина. № 20. 2012. С. 183-203.
6. Бикеева Н.Ю. Концепции раннесредневековой святости в современной историографии // Ученые записки Казанского университета. Казань, 2006. С. 100 -105.
 7. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. / М. Блок. – М.: Наука, 1986. 255 с.
 8. Борисов Н.С. О некоторых литературных источниках «Жития Сергия Радонежского» // Вестник Московского университета. 1989. № 5. Сер. 8. История. С. 1-9.
 9. Борисов Н.С. Сергей Радонежский. М.: Молодая гвардия, 2002. 304 с.
 10. Браун П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве / Пер. с англ.; Под ред. С.В. Месяц. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 207 с.
 11. Васиховская Н.С. Житие Феодосия Печерского как источник Жития Сергия Радонежского // 21 век: Фундаментальная наука и технология. Материалы IV международной научно-практической конференции. //North Chaleston, USA: CreateSpace, 2014. Т.1. С. 17-23.
 12. Васиховская Н.С. Киево-Печерский монастырь во второй половине XI – первой половине XIII веков: дисс. ... канд. истор. наук.; 07.00.02 / Васиховская Наталья Сергеевна. – Тюмень: ТюмГУ, 2009. 221 с.
 13. Васиховская Н.С. Феодосий Печерский и Сергей Радонежский – отцы-основатели «истинного монашества» на Руси // Вестник УдГУ. Вып.3.: История и филология. 2011. С. 75-79.
 14. Вигзелл Ф. Цитаты из книг Священного Писания в сочинениях Епифания Премудрого // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л., 1971. Т. 26. С. 232-243.
 15. Владимир (Швец), архимандрит, Сорочан С.Б. Введение в агиографию.

- Учебное пособие. Харьков: Майдан, 2015. 264 с.
16. Войтенко А.А. Святой Онуфрий Великий в агиографической традиции (IV– XIV вв.): дисс. ...док. истор. наук. Москва, 2017. 530 с.
 17. Гжибовская О.В. Жития святых в российской историографии XIX – начала XX вв.: дисс. ...канд. истор. наук. Сочи: Филиал Российского государственного социального университета в г. Сочи, 2009. 304 с.
 18. Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Императорское Общество Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 2-е изд., перераб. и доп. М. 1903. 606 с.
 19. Голубинский Е.Е. История русской церкви. М.: Синодальная типография, 1911. Т. 2. Период второй, Московский. Ч. 2. 618 с.
 20. Голубинский Е.Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им лавра: Жизнеописание преподобного Сергия и путеводитель по Лавре. М.: Синодальная Типография, 1909. 422 с.
 21. Данилевский И.Н. Библия и Повесть временных лет. К проблеме интерпретации летописных текстов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 78-95.
 22. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
 23. Дидковская В.Г. Житие преподобного Сергия Радонежского: текст и время // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2015. № 1 (84). С. 6-10.
 24. Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: «Гнозис», 1994. 112 с.
 25. Зубов В.П. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб (К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского») // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 9. С. 145-158.

26. Карсавин Л.П. Культура Средних веков. М.: Книжная находка, 2003. 106 с.
27. Карсавин Л.П. Монашество в средние века. М.: Высшая школа, 1992. 191 с.
28. Кириллин В.М. Символика чисел Древней Руси (XI–XVI века). СПб.: Алетейя, 2000. 320 с.
29. Клосс Б.М. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1998. –Т.1. Житие Сергия Радонежского. 568 с.
30. Клосс Б.М. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 2001. Т.2. Очерки по истории русской агиографии XIV – XVI вв. 488 с.
31. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1989. 512 с.
32. Кожурин А.Я. Религиозные основания просвещения в Московской Руси (XIV–XVI веков) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №56. С. 34-42.
33. Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.) М.: Языки русской культуры, 2000. 198 с.
34. Конявская Е.Л. Дмитрий Михайлович Тверской в оценке современников и потомков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19). С. 16-22.
35. Конявская Е.Л. К вопросу об авторском самосознании Епифания Премудрого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 79-85.
36. Кузьмина М.К. Библейские цитаты в Сказании инока Иннокентия о смерти Пафнутия Боровского и их функции. М.: Наука, 2014. С. 56-66.
37. Кузьмина М.К. Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV–XVII вв. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. 630 с.

38. Кучкин В.М. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 75-93.
39. Леонова Т.Г. Значение «Жития Сергия Радонежского» для развития русской агиографической литературы // Вестник Омского университета. 2012. №2 (64). С. 384-387.
40. Липилина Е.Ю. Вопросы жанрового своеобразия древнерусской агиографии в исследованиях отечественных медиевистов 1970–1990-х годов // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы IX Международной научной конференции. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. Т.1. С. 22-27.
41. Липилина Е.Ю. Изучение «Жития Сергия Радонежского» в отечественном литературоведении 90-х годов XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 2. Т. 152. С. 47-52.
42. Лихачев Д.С. Несколько замечаний по поводу статьи Риккардо Пиккио // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т.17. С. 675-678.
43. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 376 с.
44. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 180 с.
45. Лихачев Д.С., Алексеев А.А., Бобров А.Г. Текстология (на материале русской литературы X–XVIII вв.). СПб.: Алетейя, 2001. 759 с.
46. Ложкина Н.А. Троице-Сергиев монастырь как русский центр исихазма // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2009. Т.185. С.76-81.
47. Лурье В.М. Введение в критическую агиографию. СПб.: Ахiо́та, 2009. 238 с.

48. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука, 1976. 285 с.
49. Мещерский Н.А. Источники и составе древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв. (учебное пособие). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. 130 с.
50. Михалева И.М., Сорокин Ю.А. Цитаты как знаки прецедентных текстов //Язык, сознание, коммуникация / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 2. 124 с.
51. Мошин В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 19. С. 28-106.
52. Пентковский А.М. Основные этапы богослужения в Древней Руси // Тезисы докладов участников II Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси. 1150-летие славянской письменности». М., 2013. 54 с.
53. Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М.: Наука, 2001. 429 с.
54. Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв.ред. Н.Н. Зампольская, В.В. Калугин; Ред. М.М. Сокольская; Предисл. В.В. Калугина. М.: Знак, 2003. 720 с.
55. Пиккио Р. История древнерусской литературы. М.: Кругъ, 2002. 352 с.
56. Прохоров Г.М. Епифаний Премудрый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1988. Ч. 1. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). С. 21-220.
57. Ранчин А.М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах, комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 576 с.
58. Руди Т.Р. «Яко столп непоколебим» (об одном агиографическом тополе) //Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Була-

- нин, 2004. Т. 55. С. 211–227.
59. Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), 2006. Т.57. 998 с.
 60. Рыжова Е.А. Мотив выбора места основания монастыря в русской агиографии. 2009. С. 91-101.
 61. Смолич И.К. Русское Монашество. Возникновение. Развитие. Сущность. (988–1917). М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 1997. 296 с.
 62. Творогов О.В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы.; Отв. ред. Д.С. Лихачев; Отв. секретарь редакции М.А. Салмина. М., Л.: Наука, 1964. Т. 20. С. 29-40.
 63. Теория и методология исторической науки / Отв. ред. А.О Чубарьян. М.: Изд-во Аквилон. 2014. 78 с.
 64. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси. М.: «Гнозис», Школа «Языки русской культуры», 1995. 875 с.
 65. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. II. Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.). М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 864 с.
 66. Тупиков В.А. Некоторые аспекты использования Библии в качестве прецедентного текста в «Житии Сергия Радонежского» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. №7 (61). С. 69-72.
 67. Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. Иноческие имена на Руси. М: Институт славяноведения РАН; СПб: Нестор-История, 2017. 344 с.
 68. Успенский Ф.И. Отдел VIII. Ласкари и Палеологи // История Византий-

- ской империи. В 5-ти т. М.: АСТ, Астрель, 2005. Т. 5. 558 с.
69. Федотов Г.П. Святые древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 121 с.
70. Харин Е.С. Древнерусское монашество в XI–XIII вв.: Быт и нравы: автореф. дис. ... к.и.н. Ижевск, 2008. 185 с.
71. Цуркан Р. К. Славянский перевод Библии: происхождение, история текста и важнейшие издания. СПб.: ИД «Коло»; ИТД «Летний сад», 2001. 352 с.
72. Чернов С.З. Радонеж: от волости к княжескому уделу (1336–1456) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4 (30). С. 44-49.
73. Шахматов А.А. Несколько слов о несторовом Житии Феодосия // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.: 1896. Т. 1. Кн. 1. С. 46-65.